

11.7.74

Myra

95

54

ош

124

27

деск

Пайсон

ПАНТЕОНЪ

Русскихъ

БАСНОПИСЦЕВЪ.

Крыловъ

Дашковъ

Измайловъ

Салтыковъ

и пр.

Супрунъ

Майковъ

Николаевъ

Мининъ

и пр.

ПАНТЕОНЪ

РУССКИХЪ БАСНОПИСЦЕВЪ.

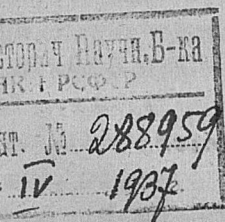
С. Петербургъ.

1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ ,

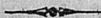
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено
было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное
число экземпляровъ. С. Петербургъ, Ноября
6 дня 1845 года.

Ценсоръ *А. Крыловъ.*

Въ типографіи Губернскаго Правленія.

О Т Ъ И З Д А Т Е Л Я .

Баснь была и есть первое у всѣхъ народовъ умственное произведеніе человѣка. Она есть олицетвореніе всей природы, олицетвореніе всѣхъ дѣйствій человѣка съ предметами природы. Въ животной природѣ человѣкъ, безъ руководителя, видитъ собственныя страсти, собственныя чувствованія, даже иногда и собственныя мысли — въ большей или меньшей степени. Такое сходство разумнаго съ неразумнымъ, конечно, поражаетъ всякаго. Достоинство человѣка въ томъ существенно и состоитъ, чтобы становиться, съ каждымъ днемъ, выше чувственной природы. Здѣсь уже нравственный урокъ открываетъ слишкомъ ограниченную сферу животнаго, которое не можетъ никакъ

вытти изъ своихъ границъ и возводимое человекомъ на высшій степень разумѣнія, становится смѣшнымъ дѣятелемъ. Слѣдовательно, баснь есть исторія развитія животной природы и указатель предѣловъ ея совершенства и урокъ для человека: усовершенствоваться болѣе и болѣе, чтобы не подойти подъ общую черту животного. Слѣдовательно, цѣлью басни всегда будетъ нравственный урокъ, но такъ, что сама баснь, самъ разсказъ о дѣйствіяхъ чувственной природы — есть уже урокъ. *Для кого же пишутся эти уроки?* Во-первыхъ, они не пишутся; баснь родилась съ первымъ чувствомъ всѣхъ народовъ, съ первымъ взглядомъ на муравьевъ-строителей, на лисицу-плутовку, на черепаху-лѣнливую, на кузнечика-беззаботнаго, на волка-ненасытнаго; свойства ихъ, склонности, дѣйствія, привычки, носились въ устахъ всѣхъ, нашли сходство въ характерѣ и дѣйствіяхъ людей, обратились въ сравненія, пословицы, насмѣшки. Все это записывается какъ преданіе старины, какъ ожив-

ленные мысли и страсти человека, какъ характерическія черты изъ образованной жизни человека. Второй вопросъ очевидно рѣшается изъ перваго отвѣта. Басни необходимы для человека, который не возвысился еще надъ природою, который живетъ съ нею одною жизнію, котораго разумъ не-возможно еще возвысить до лучшихъ, болѣе чистыхъ, отвлеченныхъ понятій. И такъ, баснь есть собственная школа дѣтей. Образованный человекъ даетъ совершенно другое направле-ніе, другую болѣе обширную сферу. Однимъ словомъ, баснь назначается для того возраста, для того разумѣ-нія, съ которымъ говорятъ вещами, а не идеями.

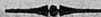
Существенная польза басни для дѣтей есть та, что они знакомятся съ природою, знакомятся съ характерами и свойствами предметовъ природы, а потомъ уже *угатся*, сравни-вая и животныхъ и неодушевленную природу съ людьми, вещами, и при-томъ *разсуждаютъ*. Баснь не умству-етъ: она картина, она рисуетъ пред-

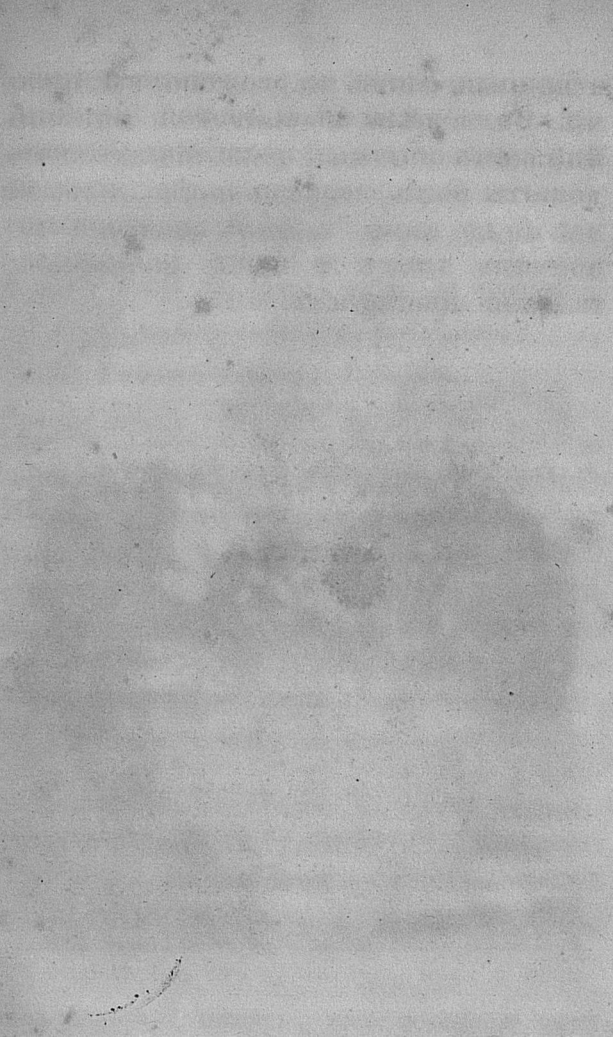
меты, какими ихъ находятъ; слѣдовательно дитя самъ выводитъ свои сужденія, самъ научается оцѣнивать предметы и потому-то чувствуетъ удовольствіе отъ собственныхъ заключеній. Это уже драгоцѣнная находка для воспитателя. Отъ того басни читаются съ восторгомъ въ раннемъ возрастѣ и не изглаживаются изъ памяти никогда. Отцу или воспитателю, послѣ прочтенной басни, стоитъ только слѣдить, какъ понимаетъ дитя басню? Чего онъ не уразумѣлъ? Что разумѣлъ превратно? Къ чему приложить басню въ жизни дитяти? Вотъ употребленіе и приложеніе басни. Трудно увѣрить дѣтей, чтобы разговаривали дубъ и тростникъ и подобные неодушевленные предметы. Но надобно желать, чтобы вся природа была одушевленной для дитяти, вся имѣла бы чувство и языкъ. Особенно дѣвочки прекрасно умѣютъ одушевлять всѣ окружающія ихъ вещи. Гораздо важнѣе вопросъ: дитя, узнавшій натуру изъ басенъ, не приметъ ли ложныя понятія о вещахъ? Вспомните сказанное выше; чѣмъ бо-

лѣе будетъ разсуждать человѣкъ, чѣмъ онъ становится образованнѣе, тѣмъ баснь для него будетъ имѣть смыслъ глубже и приложеніе ея гораздо совершеннѣе.

Въ этой книжкѣ приложены басни различныхъ писателей. Польза чтенія басенъ много выиграетъ отъ такого разнообразія взгляда и образа мыслей самихъ авторовъ басенъ. Здѣсь можно сравнивать языкъ писателей; можно ознакомиться съ баснописцами; можно спрашивать дѣтей: кто лучше разсказалъ басню, чѣмъ? Чего недостаетъ у одного автора въ сравненіи съ другимъ? Какое обширное поле для наблюдательнаго наставника! Сколько случаевъ разсказать дѣтямъ о достоинствѣ и вообще о лучшихъ качествахъ человѣческаго слова; что значитъ сила слова, пріятность, легкость, гармонія. И всѣ эти понятія сообщатся непременно—и всѣ они утвердятся въ юномъ сердцѣ прочно; каждое дитя, послѣ такихъ сравненій, самъ будетъ различать книжные языки, самъ будетъ очищать соб-

ственные слова въ разговорѣ и письмѣ. Вотъ цѣль изданія этой книжки. Впрочемъ опытный педагогъ сдѣлаетъ, можетъ быть, гораздо болѣе, нежели мы придумали, а иной педагогъ испортитъ книгу и наше доброжелательное предпріятіе.

ВАСИЛЕКЪ.

Въ глуши разцвѣтшій Василекъ

Вдругъ захирѣлъ, завялъ почти до половины,

И, голову склоня на стебелекъ,

Уныло ждалъ своей кончины;

Зефиру между тѣмъ онъ жалобно шепталъ :

— «Ахъ, если бы скорѣе день насталъ,

И солнце красное поля здѣсь освѣтило,

Быть можетъ, и меня оно бы оживило? »

— «Ужъ какъ ты простъ, мой другъ!»

Ему сказалъ, вблизи копаясь, жукъ:

«Неужли солнышку лишь только и заботы,

Чтобы смотрѣть, какъ ты растешь,

И вянешь ты, или цвѣтешь?

Повѣрь, что у него ни время, ни охоты

На это пѣть.

Когда бы ты леталъ, какъ я, да зналъ бы свѣтъ,

То видѣлъ бы, что здѣсь луга, поля и нивы

Имъ только и живутъ, имъ только и счаст-

ливны:

Опо своею теплотой
 Огромные дубы и кедры согрѣваетъ,
 И удивительною красотою
 Цвѣты душистые богато убираетъ;
 Да только тѣ цвѣты
 Совсѣмъ не то, что ты:
 Они такой цѣны и красоты,
 Что само время ихъ, жалѣя, коситъ,
 А ты ни пышенъ, ни пахучъ:
 Такъ солнца ты своей доукою не мучь!
 Повѣрь, что на тебя оно луча не броситъ,
 И добиваться ты пустаго перестань,
 Молчи и вянь! «
 Но солнышко взошло, природу освѣтило,
 По царству Флорину разсыпало лучи,
 И бѣдный Василекъ, завяпувшій въ ночи,
 Небеснымъ взоромъ оживило.

—

О вы, кому въ удѣлъ судьбою данъ
 Высокій санъ!
 Вы съ солнца моего примѣръ себѣ берите!
 Смотрите,

Куда лишь лучь его достанетъ, тамъ оно
 Былинкѣ ль, кедру ли — благотворить ровно,
 И радость по себѣ и счастье оставляетъ;
 За то и видъ его горить во всѣхъ сердцахъ —
 Какъ чистый лучъ въ восточныхъ хрусталяхъ,
 И все его благословляетъ.

И. Крыловъ.

СОБАЧЬЯ ДРУЖБА.

У кухни подъ окномъ
 На солнышкѣ Полканъ съ Барбосомъ, лежа,
 грѣлся.

Хоть у воротъ передъ дворомъ
 Пристойнѣе бѣ стеречь имъ было домъ;

Но какъ они ужъ попались,

И вѣжливые жъ псы притомъ

Ни на кого не лаютъ днемъ —

Такъ разсуждать они пустилися вдвоемъ

О всякой всячинѣ: о ихъ собачьей службѣ,
 О худѣ, о добрѣ, и наконецъ о дружбѣ.
 — «Что можетъ,» говоритъ Полканъ: «пріятный
 быть ,

Какъ съ другомъ сердце къ сердцу жить;
 Во всемъ оказывать взаимную услугу;
 Не спать безъ друга и не съѣсть,
 Стоять горой за дружную шерсть ,
 И наконецъ въ глаза глядѣть другъ другу,
 Чтобъ только улучшить счастливый часъ,
 Нельзя ли друга чѣмъ потѣшить, позабавить,
 И въ дружномъ счастьѣ все свое блаженство
 ставить !

Вотъ если бѣ, напримѣръ, съ тобой у насъ

Такая дружба завелась :

Скажу я смѣло ,

Мы бѣ и не видѣли, какъ время бы летѣло.»

— «А что же? это дѣло!»

Барбось отвѣтствуетъ ему :

« Давно, Полканушка, мнѣ больно самому,
 Что, бывши одного двора съ тобой собаки,
 Мы дня не проживемъ безъ драки;

И изъ чего? Спасибо господамъ:

Ни голодно, ни тѣсно намъ!

Притомъ же, право, стыдно:

Песъ дружества слыветъ примѣромъ съ давнихъ
дней;

А дружбы между псовъ, какъ будто межъ людей,

Почти совсѣмъ не видно. «

— «Явимъ же въ ней примѣръ мы въ наши
времена, »

Вскричалъ Полканъ: «дай лапу!» — «Вотъ она!»

И новые друзья ну обниматься,

Ну цѣловаться;

Не знаютъ съ радости, къ кому и приравняться:

«Орестъ мой! Мой Пиладъ!» Прочь свары, за-
висть, злость!

Тутъ поваръ на бѣду изъ кухни кинулъ кость.

Вотъ новые друзья къ ней взапуски несутся:

Гдѣ дѣлся и совѣтъ, и ладъ?

Съ Пиладомъ мой Орестъ грызутся, —

Лишь только клочья вверху летятъ:

Насилу наконецъ ихъ розлили водою.

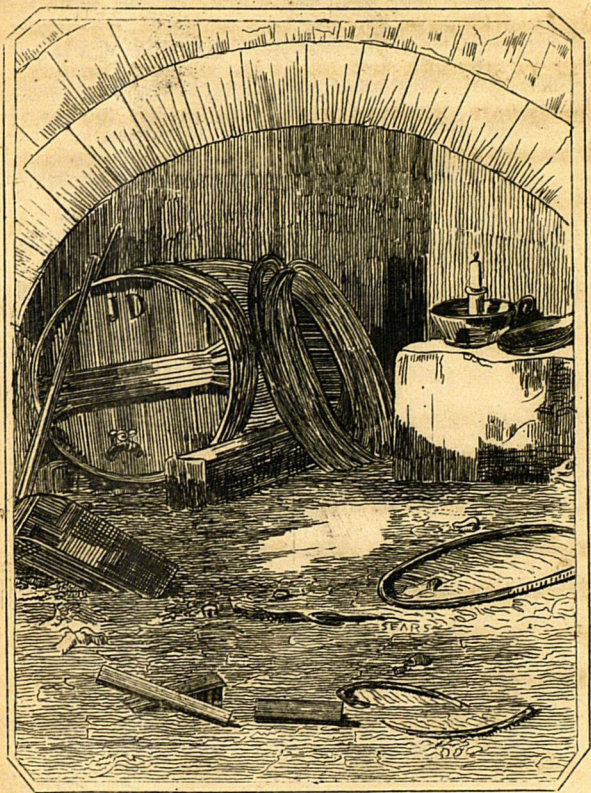
Свѣтъ полонъ дружбою такою. II

Проб нынѣшнихъ друзей лѣзя молвить, не грѣша,
 Что въ дружбѣ всѣ они едва ли не одинаки:
 Послушать, кажется одна у нихъ душа, —
 А только брось имъ кость, такъ что твои собаки!

И. Крыловъ.

Б О Ч К А.

Пріятель своего пріятеля просиль,
 Чтобъ Бочкою его дни на три онъ ссудилъ.
 Услуга въ дружбѣ вещь святая!
 Вотъ, если бъ дѣло шло о деньгахъ, рѣчь иная;
 Тутъ дружба въ сторону, и можно бъ отказать;
 А Бочки для чего не дать?
 Какъ возвратилася оца, тогда опять
 Вozить въ ней стали воду.
 И все бы хорошо, да худо только въ томъ,
 Та Бочка для вица брана откупщикомъ,

И настоялась такъ въ два дни она виномъ,
 Что винный духъ пошелъ отъ ней во всёмъ:
 Квасъ, пиво ли сварять, ну даже и въ съѣстномъ.

Хозяинъ бился съ ней близъ году:
 То выпарить, то ей провѣтриться даетъ:

Но чѣмъ ту Бочку не нальетъ,
 А винный духъ все вонъ нейдетъ,
 И съ Бочкой наконецъ онъ принужденъ раз-
 статься.

—

Старайтесь не забыть, отцы, вы басни сей:

Ученьемъ вреднымъ съ юныхъ дней

Намъ стоить разъ лишь напиться;

А тамъ во всѣхъ твоихъ поступкахъ и дѣлахъ,

Каковъ ни будь ты на словахъ,

А все имъ будетъ отзываться.

И. Крыловъ.

РУЧЕЙ.

Пастухъ у ручейка пѣлъ жалобно, въ тоскѣ,
Свою бѣду и свой уронъ невозвратимый:

Ягненокъ у него любимый

Недавно утонулъ въ рѣкѣ.

Услыша пастуха, Ручей журчитъ сердито:

— «Рѣка несытая! что, если бѣ дно твое

Такъ было, какъ мое,

Для всѣхъ и ясно, и открыто,

И всякой видѣлъ бы на тинистомъ семъ днѣ

Всѣ жертвы, кои ты столь алчно поглотила?

Я чай бы, со стыда ты землю сквозь прорыла,

И въ темныхъ пропастьяхъ себя сокрыла.

Мнѣ кажется, когда бы мнѣ

Дала судьба обильныя столь воды,

Я, украшеньемъ ставъ природы,

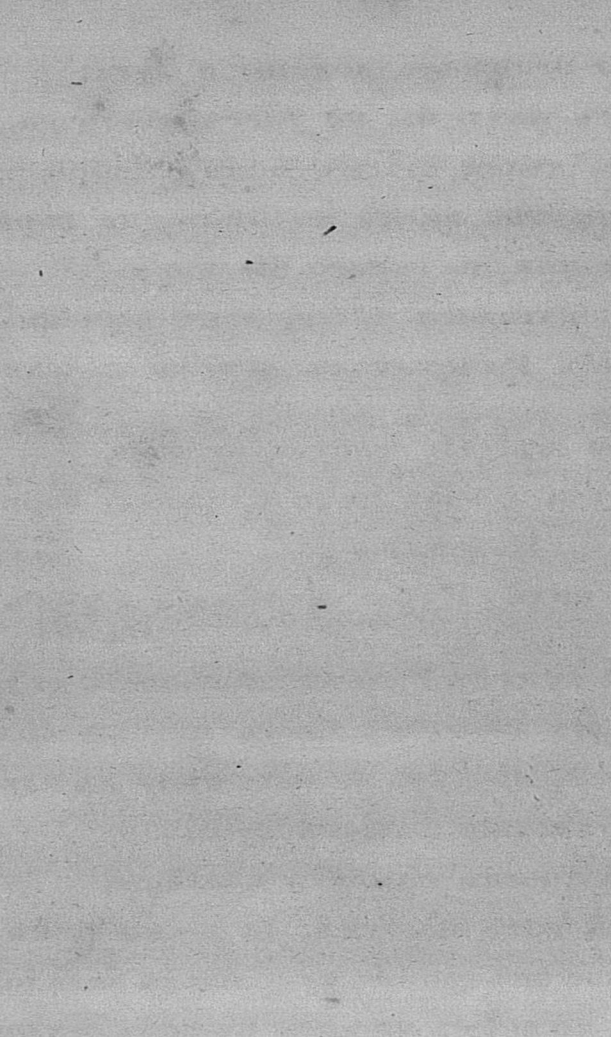
Не сдѣлалъ курицъ бы зла.

Какъ осторожно бы вода моя текла

И мимо хижинки и каждаго кусточка!

Благословляли бы меня лишь берега,

И я бы освѣжалъ долины и дуга;

Но съ нихъ бы не унесъ листочка.

Ну, словомъ, дѣлая путемъ моимъ добро,

Не приключая нигдѣ ни бѣдъ, ни горя,

Вода моя до самаго бы моря

Такъ докатилася чиста, какъ серебро.»

Такъ говорилъ Ручей, такъ думалъ въ самомъ
дѣлѣ.

И что жъ? Не минуло недѣли,

Какъ туча ливная надъ ближнею горой

Разсѣлась :

Богатствомъ водъ Ручей сравнялся вдругъ съ
рѣкой;

Но ахъ! куда въ Ручѣ смиренность дѣлась!

Ручей изъ береговъ бьетъ мутною водой,

Кипить, реветъ, крутитъ нечисту пѣну въ клубы,

Столѣтніе валяетъ дубы,

Лишь трески слышны вдалекѣ;

И самый тотъ пастухъ, за коего рѣкъ

Пенялъ недавно онъ такимъ кудравымъ складомъ,

Погибъ со всѣмъ своимъ въ немъ стадомъ,

А хижины его пропали и слѣды.

Какъ много ручейковъ текутъ такъ смирно, гладко,
 И такъ журчатъ для сердца сладко,
 Лишь только отъ того, что мало въ нихъ воды!

И. Крыловъ.

ПѢТУХЪ, КОТЪ и МЫШЕНОКЪ.

О дѣти, дѣти! какъ опасны ваши лѣта! —
 Мышенекъ, не видавшій свѣта,
 Попалъ было въ бѣду, и вотъ какъ онъ объ ней
 Рассказывалъ въ семьѣ своей.
 « Оставя нашу нору,
 И перебравшись чрезъ гору,
 Границу нашихъ странъ, пустился я бѣжать,
 Какъ молодой Мышенекъ,
 Который хочетъ показать,
 Что онъ ужъ не ребенокъ.
 Вдругъ съ размаху на двухъ животныхъ набѣ-
 жалъ:

Какіе звѣри, самъ не зналъ;

Одинъ такъ смиренъ, добръ, такъ плавно вы-
ступалъ,

Такъ миловиденъ былъ собою!

Другой — нахаль, крикунъ, теперь лишь будто
съ бою;

Весь въ перьяхъ; у него косматый крюкомъ
хвостъ;

Надъ самымъ лбомъ дрожитъ наростъ

Какой-то, огненнаго цвѣта,

И будто двѣ руки, служащи для полета;

Онъ ими такъ махаль,

И такъ ужасно горло дралъ,

Что я таки не трусь, а подавай богъ ноги —

Скорѣе отъ него съ дороги.

Какъ больно! безъ него я вѣрно бы въ другомъ

Нашелъ наставника и друга!

Въ глазахъ его была написана услуга;

Какъ тихо шевелилъ пушистымъ онъ хвостомъ!

Съ какимъ усердіемъ бросалъ ко мнѣ онъ взоры,

Смиренны, кроткіе, но полные огня!

Шерсть гладкая на немъ, почти какъ у меня;

Головка пестрая, и вдоль спины узоры;
 А уши, какъ у насъ, и я по нимъ сужу,
 Что у него должна быть симпатія съ нами,
 Высокородными мышами.»

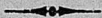
А я тебѣ на то скажу,
 Мышенка мать остановила:

Что этотъ доброхоть,
 Котораго тебя наружность такъ прельстила,
 Смиренникъ этотъ Коть!
 Подъ видомъ кротости, онъ врагъ нашъ, злой
 губитель;

Другой же былъ Пѣтухъ, миролюбивый житель.
 Не только отъ него не видимъ мы вреда,
 Иль огорченья,

Но самъ онъ пищей намъ бываетъ иногда.
 Впередъ по виду ты не дѣлай заключенья.

И. Дмитриевъ.

СЛѢПЕЦЪ и РАЗСЛАБЛЕННЫЙ.

—

« И ты несчастливъ! . . . дай же руку !

Начнемъ другъ другу помогать.

Ты скажешь: есть кому мнѣ вздохъ мой передать;

А я скажу: мою онъ знаетъ грусть и муку —

И легче будетъ намъ. »

Такъ говорилъ мудрецъ Востока,

И вотъ его же притча вамъ.

Два были нищіе, и оба властью рока

Лишенны были средствъ купить трудами хлѣбъ;

Одинъ былъ слѣпъ,

Другой разслабленный; желаютъ смерти оба;

Но горемыки здѣсь, какъ дара, ждуть и гроба;

На помощь къ нимъ и смерть нейдетъ.

Разслабленный конца своимъ страданьямъ ждетъ

На голой мостовой, снося и жаръ и холодъ,

Всего же чаще голодъ

И нечувствительность румяныхъ богачей.

Слѣпецъ равно терпѣль, или еще и боль:

Тотъ могъ, хотя вдали, въ день лѣтній видѣть
поле,

А для него ужъ нѣтъ и солнечныхъ лучей!

Вся жизнь глубока ночь, и скоро-ль разсвѣтаетъ,
Увы! не знаетъ.

Одной собачкой онъ былъ искренно любимъ,
Ласкаемъ и водимъ;

И ту какіе-то злодѣи -- не украли,
А нагло отъ его веревки отвязали,
И увели съ собой.

Слѣпецъ случайно очутился

На томъ же мѣстѣ, гдѣ разслабленный томился;
Онъ слышитъ стонъ его, и самъ пускаетъ вздохъ.

«Товарищъ! говоритъ: несчастныхъ сводитъ Богъ;

Намъ должно побрататься,

Имѣть одну суму,

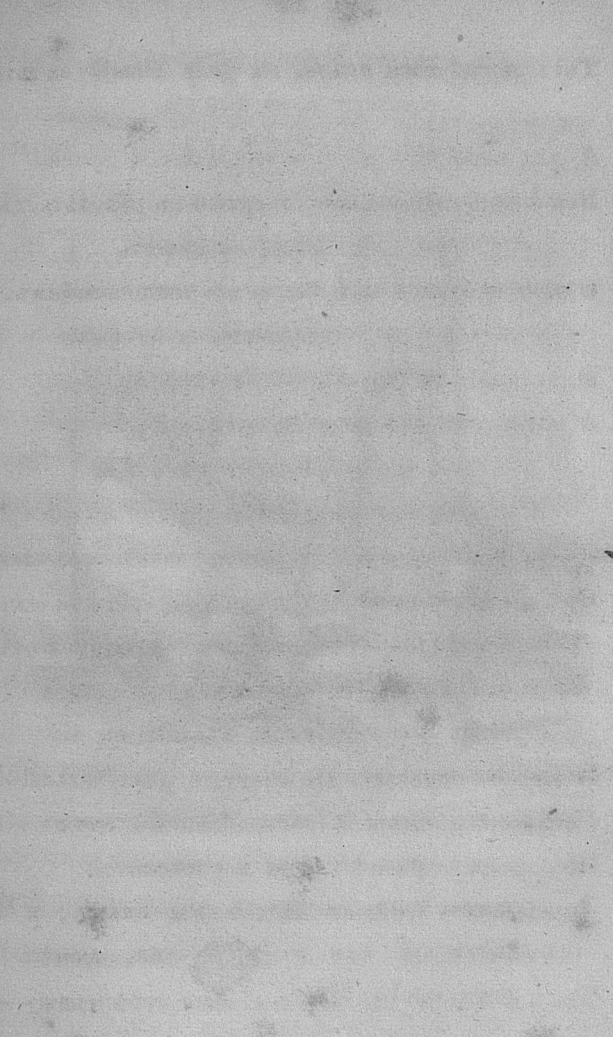
И вмѣстѣ горевать. Не станемъ разлучаться!»

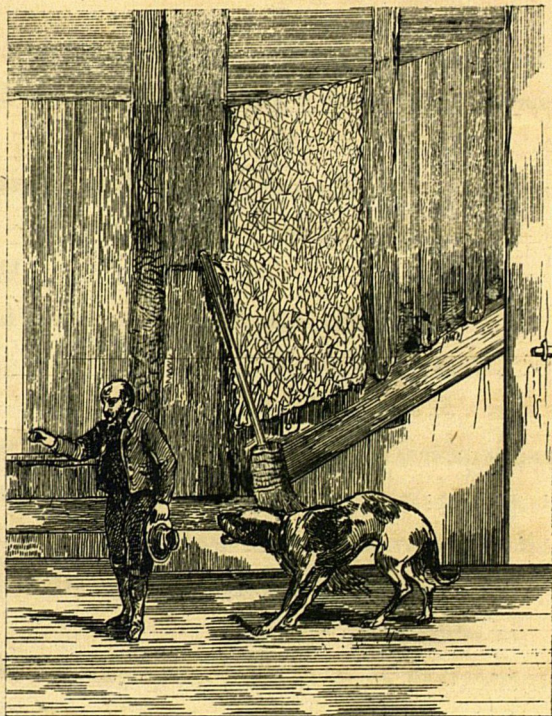
Согласенъ, отвѣчалъ разслабленный ему:

Но, добрая душа! какою мы подмогой

Другъ другу можемъ быть? Ты слѣпъ, а я
безногой!

Что жъ будемъ дѣлать мы? еще тебѣ скажу. —

«Какъ! подхватилъ слѣпецъ: ты зрячь, а я хожу;

Такъ ты ссужай меня глазами,

А я съ охотою ссужусь тебѣ ногами;

Ты за меня гляди, я за тебя пойду,

И будемъ каждый такъ служить въ свою чреду.»

И. Дмитріевъ.

НИЩІЙ и СОБАКА.

Большой боярской дворъ Собака стерегла.

Увидя старика, входящаго съ сумою,

Собака лаять начала.

«Умилосердись надо мною!»

Съ боязнью, пошептомъ бѣднякъ ее молилъ:

«Я сутки ужъ не ѣлъ отъ глада умираю!»

Затѣмъ-то я и лаю,

Собака говоритъ, чтобъ ты накормленъ былъ.

Наружность иногда обманчива бываетъ:

Иной какъ звѣрь, а добръ; тотъ ласковъ, а
кусаеъ.

И. Дмитріевъ.

РАЗБИТАЯ СКРИПКА.

Скрипица пошлая упала, и разбилась.

Скрипачъ ее склеилъ,

И скрипка, изъ дурной — прекрасной очутилась.

Тотъ вѣрно сталъ умнѣй, кто въ школѣ бѣд-
ствій былъ.

И. Дмитриевъ.

ПЛОДЪ.

Садовникъ сѣтовалъ, что долго Плодъ не зрѣеть;

А Плодъ судилъ: вина не отъ моихъ сѣмянъ:

Дай больше свѣта мнѣ, и буду я румянъ. —

Безъ солнца и талантъ въ созрѣніи коснѣеть.

И. Дмитриевъ.

РЕПЕЙНИКЪ и ФІЯЛКА.

Между Репейникомъ и розовымъ кустомъ

Фіялочка себя отъ зависти скрывала;

Безвѣстною была, но горестей не знала. —

Тотъ счастливъ, кто своимъ доволенъ уголкомъ.

И. Дмитриевъ.

МЕДВѢДЬ И ДВА ОХОТНИКА.

Два смѣлыхъ молодца охотниками были:
 Случилось продать медвѣжью кожу имъ;
 Медвѣдя хоть они еще и не убили,
 Но думали убить, и долго ли двоимъ?

И такъ они задатокъ взяли,
 Принести покупщику мѣхъ славный обѣщали,
 Поѣли, выпили, пустились смѣло въ лѣсъ,
 И вдругъ на встрѣчу пырь Медвѣдь къ нимъ
 изъ берлоги.

У нихъ тутъ подкосились ноги.

Одинъ на сосну взлѣзъ
 И сидя на суку крестился;
 Другой же мертвымъ притворился,
 Ничкомъ на землю палъ,

Не двигался и не дышалъ. —

Медвѣдь большой, мохнатой

Приблизился къ нему и такъ его проклятой

Перевернулъ, обнюхавъ раза два,

Что тотъ едва, едва

Не закричалъ и кой ужъ какъ скрѣпился.

Но, слава Богу! наконецъ

Звѣрь страшной удалился.

Смѣльчакъ внизъ съ дерева спустился;

Открыль глаза мертвецъ,

Ощупаль самъ себя, вздохнулъ и припод-
нялся. —

Съ тобою, братъ, Медвѣдь шептался,

Товарищъ у него спросилъ;

Скажи, что на ухо тебѣ онъ говорилъ?

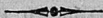
»Что по порядку должно,

Медвѣдя напередъ убить,

А послѣ этого ужъ можно

И мѣхъ продать и пить.»

А. Измайловъ.

СОВѢТЪ МЫШЕЙ.

Въ мучномъ анбарѣ котъ такой удалой былъ,

Что менѣе недѣли

Мышей до сотни задавилъ.

Десятокъ или два кой какъ ужъ уцѣлѣли
И спрятались въ норахъ.

Что дѣлать? выдти — страхъ;

Не выходить — такъ смерти ждать голодной.

На лаврахъ отдыхалъ котъ сытой и дородной.

Однажды вечеромъ на кровлю онъ ушелъ,

Гдѣ милая ему назначила свиданье.

Слухъ до мышей о томъ дошелъ —

Повыбрались изъ норъ, открыли засѣданье

И стали разсуждать,

Какія мѣры имъ противъ кота принять.

Одна мышъ умная, которая живала

Съ учеными на чердакахъ

И много книгъ переглодала,

Совѣтъ дала въ такихъ словахъ:

»Сестрицы! отвратить грозящее намъ бѣдство

Я нахожу одно лишь средство,

Простое самое. Оно въ томъ состоитъ,

Чтобъ нашему злодѣю,

Когда онъ спитъ,

Гремушку привязать на шею.

Далеко-ль, близко-ль котъ, всегда мы будемъ
знать

И не удастся насъ ему въ распахъ поймать.»

Прекрасно! ахъ! прекрасно!

Вскричали всѣ единогласно.

За чѣмъ откладывать, какъ можно поскорѣй

Гремушку мы коту привяжемъ!

Ужъ то-то мы себя докажемъ!

И не видать ему мышей

Такъ точно, какъ своихъ ушей! —

»Все очень хорошо: привязывать кто-жъ ста-
нетъ?« —

— Ну! ты. — »Благодарю.« —

— Такъ ты. — »Я посмотрю,

Какъ духа у тебя достанетъ! —

— Однакожъ надобно. — Что долго толковать?

Кто сдѣлалъ предложенье,

Тому и исполнять.

Ну! умница, свое намъ покажи умѣнье. —

И умница равно за это не взялась,

А для чего-жъ бы такъ? — да лапка затряслась.

*

Куда какъ право чудно!

Мы мастера учить другихъ;

А если дѣло ужъ дойдетъ до насъ самихъ,
То исполнять намъ очень трудно.

А. Измайловъ.

ВОЛКЪ и ЖУРАВЛЬ.

Былъ жадной Волкъ, всегда ѣсть торопился,
Да разъ и подавился;
Кость стала въ горлъ у него;

Прожора захрипѣлъ, стѣснилось въ немъ ды-
ханье,

Ну, словомъ смерть пришла его
И онъ хотѣлъ въ грѣхахъ принести ужъ по-
каянье.

По щастію Журавль тутъ мимо проходилъ;
Страдалецъ передъ нимъ пасть жалобно ра-
зинулъ;

Журавль въ нее свой носъ предлинной опустилъ
И кость удачно вынулъ.

Волкъ вспрыгнулъ съ радости, избавясь отъ
бѣды. —

А чтожъ мнѣ за труды?

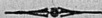
Спросилъ носатой врачъ. — »Ахъ, ты неблагодарной!»

Волкъ съ сердцемъ отвѣчалъ: »да какъ просить ты смѣлъ?

Смотри какой нахальной!

Благодари за то, что носъ остался цѣль.»

А. Измайловъ.

ОБМАНЪ ЗА ОБМАНЪ.

Одинъ купецъ на сохраненье

Жельза триста пудъ сосѣду далъ въ анбаръ,

А самъ на ярмонку повезъ другой товаръ.

Лукавой ввелъ сосѣда въ искушенье,

Онъ вздумалъ утаить желъзо у себя. —

»Что, братецъ, жаль тебя,

Сказалъ хозяину, когда тотъ возвратился,

Не знаешь грѣхъ какой случился . . .

Анбаръ мой былъ немного худъ . . .

Прикашики не досмотрѣли . . .

Твое желѣзо мыши съѣли . . . » —

Не ужъ то все? — »Всѣ триста пудъ!

Ну! что же дѣлать мнѣ съ мышами?» —

Купецъ пожалъ плечами

И въ сердцѣ всю досаду скрылъ.

У плута сынъ малютка былъ.

Купецъ его въ свой домъ тихонько заманилъ

И заперъ въ комнату; потомъ къ себѣ сосѣда

Откушать хлѣба-соли звалъ. —

»Охъ, братецъ! мнѣ не до обѣда,

Ни пью, ни ѣмъ теперь, Ванюша мой про-
палъ. » —

Не ужъ то? — »Точно такъ.« — Давно ли? —

»Дни ужъ два.« —

Сосѣдъ, я видѣлъ самъ — третьягодни сова

Ребенка унесла и право думать должно,

Что это Ваня твой . . . — »Помилуй, какъ
возможно!

Таскаетъ ли сова ребятъ!» —

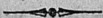
— И мыши кажется, желѣза не ѣдятъ. —

Воръ не дуракъ былъ, догадался,

Покражу тотчасъ возвратилъ

И сына на обмѣнъ желѣза получилъ,
Да лгать ужъ на мышей боялся.

А. Измайловъ.

СТРОИТЕЛЬ.

Что можешь начинать теперь,
Теперь и начинать старайся.
Лишь настоящему ты вѣрь,
На завтра не полагайся.

Построить нѣкто домъ желалъ,

И нужные къ тому собирать припасы сталъ;

И собралъ ужъ не мало.

Построить долго ли? лиха бѣда начало.

Проходитъ день за днемъ, за годомъ годъ
идеть;

А все строенья нѣтъ:

Все нашъ строитель отлагаетъ

Строенье до другаго дни.

Внезапно смерть пришла: строитель оставляетъ

Припасы лишь одни.

И. Хемницеръ.

КРЕСТЬЯНИНЪ СЪ НОШЕЮ.

—

Сколь часто служить въ пользу намъ,

Что мы вредомъ себѣ считаемъ!

Сколь часто на судьбу богамъ

Неправой жалобой скучаемъ!

Сколь часто счастье несчастіемъ зовемъ,

И благо истинно, считая зломъ, клянемъ!

Мы вѣчно умствуемъ и вѣчно заблуждаемъ.

Крестьянинъ нѣкакій путемъ-дорогой шелъ,

И ношу на плечахъ имѣлъ,

Которая его ужъ такъ отяготила,

Что на пути остановила.

Проваль бы эту ношу взялъ,

Крестьянинъ проворчалъ:

Я эту ношу

Сброшу,

И налегкѣ безъ ноши я пойду;

Добра я этаго вездѣ, куда приду,

Найду. —

А ноша та была кошель набитый сѣномъ;

Но мужику она казалась горькимъ хрѣномъ.

Сталь нашъ крестьянинъ въ пень, не знаетъ
что начать;

Однако вздумалъ отдыхать,

И мыслить: отдохнувъ немного, поплетуся;

Авось-либо дойду,

Хоть съ ношею пойду;

Быть такъ, добро, пушуся. —

Пошелъ крестьянинъ въ путь и ношу взялъ
съ собой.

А надобно здѣсь знать, что было то зимой,

Когда лишь только рѣки встали,

И снѣги льда еще не покрывали.

Лежить крестьянину дорога черезъ ледъ.

Крестьянинъ, ничего не думавши, идетъ:

Вдругъ, поскользнувшись, онъ свалился;

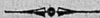
Однако же упалъ на ношу безъ вреда.

Близка была бѣда!

Крестьянинъ! вѣрно-бъ ты убился,

Когда бы ношу взять съ собою полѣнился.

И. Хемницеръ.

БОГАЧЬ и БѢДНЯКЪ.

Сей свѣтъ таковъ, что кто богатъ,
 Тотъ каждому и другъ и братъ.
 Хоть не имѣй заслугъ, ни чина,
 Хоть родомъ будь изъ конюховъ,
 Дѣтина будешь какъ дѣтина.
 А бѣдный будь хоть изъ Князей,
 Хоть разумъ Ангельской имѣй,
 И всѣ достоинства достойнѣйшихъ людей,
 Того почтенья не дождется,
 Какое ото всѣхъ богатымъ отдается.
 Бѣднякъ въ какой-то домъ пришелъ.
 Онъ знанье, умъ и чинъ съ заслугами имѣлъ,
 Но бѣдняка ни кто не только что не встрѣ-
 тилъ,
 Никто и не примѣтилъ,
 Иль, можетъ быть, никто примѣтить не хотѣлъ.
 Бѣднякъ нашъ то къ тому, то къ этому под-
 ходитъ;
 Со всѣми разговоръ и такъ и сякъ заводитъ;

Но каждый бѣдняку въ отвѣтъ —

Короткое: иль да, иль нѣтъ.

Привѣтствія ни въ комъ бѣднякъ нашъ не
находитъ;

Съ учтивствомъ подойдетъ, а съ горестью отхо-
дитъ.

Потомъ

За бѣднякомъ

Богачъ пріѣхалъ въ тотъ же домъ.

Хоть ни заслугой, ни умомъ,

Ни чиномъ онъ не отличался:

Но только въ двери показался,

Сказать нельзя какой пріемъ!

Всѣ встали передъ богачомъ;

Всякъ богача съ почтеніемъ встрѣчаетъ;

Всякъ стулъ и мѣсто уступаетъ;

И подъ руки его берутъ;

То тутъ,

То тамъ его сажаютъ;

Поклоны чуть ему земные не кладутъ,

И мѣры нѣтъ какъ величаютъ.

Бѣднякъ людей увидя лествъ,
 Къ богатому неправу честь,
 Къ себѣ неправо презрѣнье,

Вступилъ о томъ съ своимъ сосѣдомъ въ раз-
 сужденъе.

За чѣмъ, онъ говорить ему,
 Достоинствамъ, уму

Богатство свѣтъ предпочитаетъ?

»Легко, мой другъ! понять:

»Достоинства нельзя занять,

»А деньги всякой занимаетъ.«

И. Хелмницеръ.

ДВОРОВАЯ СОБАКА.

Жила у барина собака на дворѣ,
 Въ такомъ довольствѣ и добрѣ,

Въ какомъ бывало жилъ чернецъ въ монастырѣ.

Всего же болѣ —

Жила на волѣ.

Сосѣдъ какой-то въ домъ ходилъ;

Собаку полюбилъ;

Да какъ достать ее, не знаетъ;

Просить хозяина объ ней онъ не хотѣлъ;

Украсть ее — бездѣльствомъ счелъ.

Нѣтъ, надобно онъ разсуждаетъ:

Честнѣе поступить,

И тонкимъ образомъ собаку ту сманить.

Бездѣльство тонкое бездѣльствомъ не считаетъ.

И всякой разъ, когда бывало ни придетъ,

Рѣчь о собакѣ заведетъ:

При ней самой ее какъ можно выхваляетъ.

Хозяину пенять начнетъ,

Что содержанье ей худое:

»Нѣтъ, у меня житье ей былобъ не такое;

»Инаго я куска и самъ бы ѣсть не сталъ,

»Да этой бы собакѣ далъ;

»Всегда бы спать съ собою клалъ.

»А у тебя она лишь кости подбираетъ,

»И какъ случится спать!»

Все, что сосѣдъ ни говорить,

Собака правдою считаетъ;

И думаетъ: а что? вѣдь можетъ быть и впрямъ

Еще мнѣ лучше будетъ тамъ;

Хоть хорошо и здѣсь.... отвѣдать бы пуститься;

А худо? и назадъ вѣдь можно воротиться.

Подумала, да и съ двора долой,

Къ сосѣду прямо прибѣжала.

Живетъ дней нѣсколько, и мѣсяцъ, и другой.

Не только что куска того не получала,

Котораго, сосѣдъ сказалъ,

Не съѣлъ бы самъ, а ей бы далъ;

И костью съ нуждою случится

Собака въ праздникъ поживиться.

Спать? хуже прежняго спала;

А сверхъ того еще привязана была. —

И по дѣломъ! зачѣмъ сбѣжала?

Впередъ собака знай, когда еще не знала,

Что многіе умѣютъ мягко стлать,

Да жестко спать.

Собаки добрыя съ двора на дворъ не рыщутъ,

— И отъ добра добра не ищутъ.

И. Хелмницеръ.

СТРЕКОЗА.

Все лѣто Стрекоза въ то только и жила,
Что пѣла;

А какъ зима пришла,
Такъ хлѣба ничего въ запасѣ не имѣла.

И просить муравья: помилуй, муравей!

Не дай пропасть мнѣ въ крайности моей.

Нѣтъ хлѣба ни зерна, и какъ мнѣ быть, незнаю.

Не можешь ли меня хоть чѣмъ нибудъ ссудить,

Чтобъ ужъ хоть кое-какъ до лѣта мнѣ дожить?

А лѣто какъ придетъ, я право обѣщаю

— Тебѣ все вдвое заплатить.

»Да какъ же цѣлое ты лѣто

»Ни чѣмъ не запаслась?« ей муравей

на это.

Такъ, виновата въ томъ; да что ужъ? не взыщи:

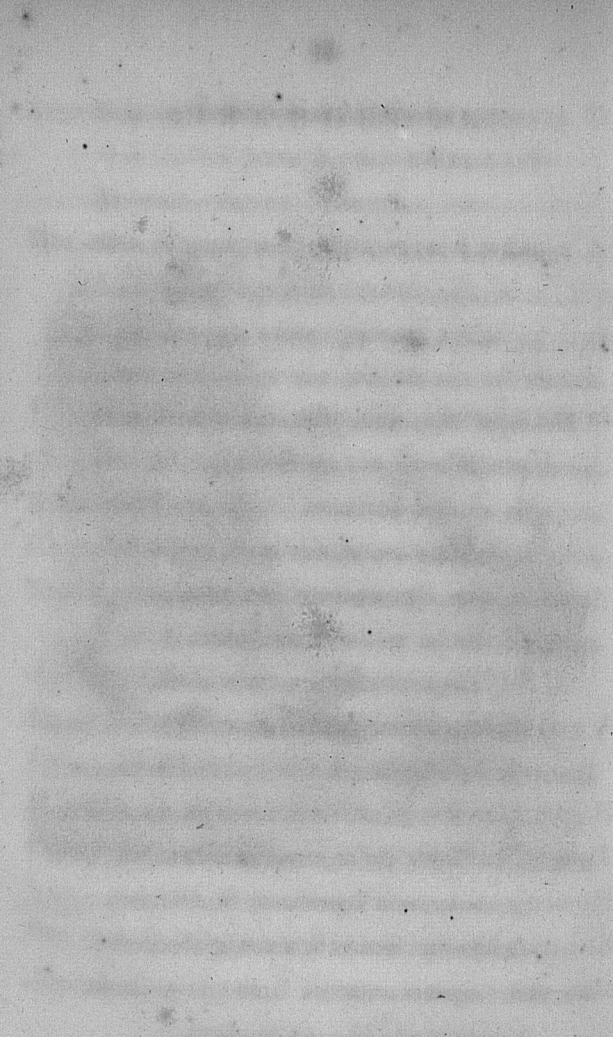
Я запастился все хотѣла,

Да лѣто цѣлое пропѣла. —

»Пропѣла? — хорошо! подижъ теперь свищи. «

И. Хелницеръ.

Д Р О В О С Ъ К Ъ.

Не много на свое искусство уповай,
И воли быстрому желанью не давай,
Держись, при томъ держись, что сдѣлать разу-
мѣешь,
За все хватаяся, напрасно лишь потѣешь.

Крестьянинъ нѣгдѣ былъ,
Дрова рубилъ.
Для эдакой науки
Къ Профессору не лѣзь,
Имѣй топоръ, да руки,
Такъ мастеръ тутъ и весь.

А мой крестьянинъ былъ дрова рубить охот-
никъ ,
И вздумалось ему, что онъ столяръ и плотникъ ;
Такими мыслями себя онъ веселилъ ,
И сосну съ кореня претолстую свалилъ.
Колоду вырубя, мужикъ колоду гладить ,
Изъ ней корыто ладить ,
Долбилъ ,
Рубилъ ,

Колода вся изрыта ,
 Однако не было и виду въ ней корыта ;
 Не такъ пошелъ топоръ ,
 А плотникъ на упоръ ,
 Еще колоду роить ;

Да не корыто ужъ , теперь онъ ковшикъ стро-
 ить .

Сказалъ : не возвращусь домой безъ барыша ,
 Добьюсь ковша ;
 Сертитъ , потѣетъ ,
 А ковшъ не спѣетъ ;
 Топоръ и долото
 Работаютъ не то :

Долбушка сдѣлалась , да нѣкакіе рожки ;
 Не вышелъ ковшъ , такъ выдутъ ложки ;
 Сталъ мастеръ ложки выдолбать ,
 И чаётъ въ ужинъ обновой щи хлебать .
 Скажи Минерва мнѣ , художествъ мастерица ,
 Чѣмъ кончилъ нашъ мудрецъ ?
 Что вышло изъ его работы наконецъ ?

Спица .

М. Херасковъ.

БАБОЧКА и ПЧЕЛА.

—

Покрыта бабочка узорными крылами,
 Въ бесѣду нѣкогда вступила со пчелами,
 И тако говорить: дивлюся, пчелы, вамъ,
 Что вы, летая по цвѣтамъ,
 Подобно какъ и мы, съ листочковъ росу пьете,
 И соки сладкіе изъ оныхъ достаете:

Съ цвѣточка на цвѣтокъ
 Всечастно я лѣтаю,
 Но вѣкъ не обрѣтаю,
 Гдѣ спрятанъ сладкой сокъ.

Не меньше вашего проворства я имѣю,
 Но меда сладкаго достати не умѣю.
 Напрасно ты хвалить проворство начала,
 Одна сказала ей пчела;

Полезнаго искать, такъ нужды нѣтъ въ убран-
 ствѣ,
 Въ проворствѣ ничего, а нужда въ постоян-
 ствѣ.

Съ листочка на листокъ
 Ты вѣкъ перелѣтаешь:
 Какъ легкой вѣтерокъ

Коснешся до цвѣтка и тотчасъ покидаешь,
 А мы собираемъ съ нихъ полезные плоды
 За многіе труды.

Лишь только оросить всходящая Аврора
 Слезами тѣ сады,

Въ которыхъ обитаетъ Флора,
 Разсыпанны въ поляхъ увидимъ красоты;
 Даютъ намъ сладкой медъ и вѣтви и цвѣты.
 Съ цвѣточка на цвѣтокъ когда бы мы скакали,
 Какъ нынѣ скачешь ты, то меда-бъ не сыскали.

Ко двумъ читателямъ я басенку причель:
 Въ единыхъ бабочекъ, въ другихъ я вижу
 пчель.

Одни у книгъ листы перебираютъ,
 И, будто бабочки, ихъ смыслъ и сокъ теряютъ;
 Другіе, въ чтеніе проникнувши умомъ,
 Обогащаются наукой и плодомъ.

М. Херасковъ.

ИСТОЧНИКЪ И РУЧЕЙ.

—

Источникъ нѣкогда съ вершины горъ стремился,
 Шумящимъ въ быстринѣ теченіемъ гордился,
 И въ пышности своей ручей онъ презиралъ,
 Которой свѣтлой токъ въ долины простиралъ.
 На всѣ его слова, сказалъ онъ съ тишиною:
 Источникъ! можешь ли за то гнушаться мною,

Что я въ теченьѣ тихъ ,

А ты опасенъ, вреденъ, лихъ ?

Твоимъ достоинствомъ я сердца не прельщаю,
 Хотя передо мной имѣешь громкой гласъ.
 Ты землю пустошишь, а я обогащаю,
 Такъ ктожъ полезнѣе для общества изъ насъ?

М. Херасковъ.

СТАРИКЪ, СЫНЪ ЕГО и ОСЕЛЪ.

—

Послушайте прошу, что старому случилось,

Когда ему гулять заблаго разсудилось.

Онъ ѣхалъ на ослѣ, а слѣдомъ парень шолъ;

И только лишь съ горы спустились въ долъ,

Прохожій осудилъ тотчасъ его на встрѣчѣ:

Ахъ! какъ ты малому даешь такъ брестъ да-
лече;

Старикъ сошолъ съ осла и сына посадилъ,

И только лишь за нимъ десятокъ разъ ступилъ;

То люди начали указывать перстами:

Такими, вотъ, весь свѣтъ наполненъ дураками:

Не можноль на ослѣ имъ ѣхать обоимъ?

Старикъ къ робенку сѣлъ и ѣдетъ вмѣстѣ съ
нимъ.

Однако чуть минулъ мѣстечка половину,

Весь рынокъ закричалъ: что мучишь такъ ско-
тину?

Тогда старикъ осла домой поворотилъ,

И скуки не стерпя, себѣ проговорилъ:

Какъ стану я смотрѣть на всѣ людскія рѣчи,
То будетъ и осла взвалить къ себѣ на плечи.

М. Ломоносовъ.

ВОЛКЪ ВЪ ПАСТУШЕСКОМЪ ПЛАТЬѢ.

Лишь только дневной шумъ замолкъ,
Надѣлъ пастушье платье волкъ,
И взялъ пастушій посохъ въ лапу,
Привѣсилъ къ поясу рожокъ,
На уши вдѣлъ широку шляпу,
И крался тихо сквозь лѣсокъ
На ужинъ для добычи къ стаду.
Увидѣлъ тамъ, что жучко спитъ,
Пастухъ въ глубокомъ снѣ храпитъ,
И овцы всѣ лежали съ ряду.
Онъ могъ изъ нихъ любую взять;
Но не довольствуясь уборомъ,
Хотѣлъ прикрасить разговоромъ
И именемъ овецъ назвать.

Однако чуть лишь пасть разинулъ ,
 Раздался въ роцѣ волчій вой ,
 Пастухъ свой сладкій сонъ покинулъ ,
 И жучко съ нимъ бросился въ бой.
 Одинъ дубиной гостя встрѣтилъ ,
 Другой за горло ухватилъ ;
 Тутъ поздно бѣдной волкъ примѣтилъ ,
 Что черезъ чуръ перемудрилъ ,
 Въ полахъ и въ рукавахъ связался
 И волчьимъ голосомъ сказался.
 Но Фирсъ не долго размышлялъ ,
 Уборъ съ него и кожу снялъ.
 Я притчу всю короткимъ толкомъ ,
 Могу вамъ, господа, сказать ,
 Кто въ свѣтъ семъ родился волкомъ ,
 Тому лисицей не бывать.

М. Ломоносовъ.

ВОЛКЪ и ЯГНЕНОКЪ.

Въ рѣкѣ пилъ волкъ, ягненокъ пилъ;

Однако въ низъ рѣки гораздо отступилъ;

Такъ пилъ онъ ниже,

И слѣдственно что волкъ къ тому былъ мѣсту
ближе,

Отколѣ токи водъ стремленіе влечетъ;

Извѣстно, что вода всегда на низъ течетъ.

Голодный волкъ ягненка озираетъ;

Отъ ужаса ягненокъ обмираетъ,

И мнитъ: не буду я съ ягнятками играть,

Не станетъ на руки меня пастушка брать,

Не буду голоса я слышати свирѣли,

И птички для меня впослѣдніе прощѣли;

Не на зеленомъ я скончаюся лугу,

Умру на семъ песчаномъ берегу.

Волкъ почаль говорить: бездѣльникъ, какъ ты
смѣешь

Питье мое мутить,

И въ воду чистую мнѣ сору напустить?

Да ты жъ такую мать имѣешь,

Которая ко мнѣ учтивства не храня,

Вчера блеяла на меня.

Ягненокъ отвѣчаетъ,

Что мать его съ дней тридцать умерла;

Такъ волка не она ко гнѣву привела;

А токъ воды бѣжить на низъ, онъ чаеъ,

Такъ волкъ его опивокъ не встрѣчаетъ.

Волкъ третьею виной ягненка уличаетъ:

Не мни, что ты себя, бездѣльникъ, извинилъ,

Ошибся я, не мать, отецъ меня бранилъ.

Ягненокъ отвѣчалъ: тому ужъ двѣ недѣли,

Что псы его заѣли.

Такъ дядя твой иль братъ,

Иль можетъ быть и свать,

Бранилъ меня вчера, я это знаю точно,

И говорю тебѣ я это не нарочно.

Ягненковъ былъ отвѣтъ:

Всея моей родни на свѣтъ больше нѣтъ;

Лелѣить лишъ меня прекрасная пастушка.

А! а! вертушка,

Не отвертишься ты; вчера твоя пастушка

Блеяла на меня: комолая рога,

И длинный хвостъ у этого врага,
 Густая шерсть, копыты не велики;
 Довольно ли тебѣ, плутишка, сей улыки?
 Пастушкѣ я твоей покорнѣйшій слуга,
 За то, что на меня блѣять она дерзаетъ,
 А ты за то умри! Ягненка волкъ терзаетъ.

А. Сумароковъ.

ЛИСИЦА и ЖУРАВЛЬ.

Лисица журавля обѣдать позвала:

Въ обманъ его вела.

Намѣрилась она принять его учтиво.

Да чтобъ одной поѣсть,

А журавлю лишъ только сдѣлать честь;
 Не сердце у лисы, да горлушко спѣсиво.

Пожаловалъ журавль, обѣдъ готовъ.

Лисица говоритъ: извѣстна дружба наша;

Не надобно друзьямъ къ учтивству много словъ:

Покушай: для тебя, дружокъ мой, эта каша:
 Да кашу встюрила лисица на латокъ,
 А носъ у журавля не очень коротокъ;

Не можно кушать;

Такъ ласковыхъ рѣчей пришелъ онъ только
 слушать.

Однако и журавль почтитъ умѣть дамъ,
 И больше десяти кладя поклоновъ дюжинъ,
 Зоветъ лису на ужинъ.

Лисица говоритъ: я свой поклонъ отдамъ:
 Мы вѣрные друзья, ты другъ, а я другиня,
 Журавликъ, ты мнѣ князь, а я тебѣ княгиня.

Пошелъ журавль и мяса нарубилъ:

Не на латокъ поклалъ, куски въ бутылку вбилъ.
 Пришла лисица: онъ ей кушанье поставилъ,
 Въ бутылку всунулъ носъ, и носикъ позаба-
 вилъ,

Лисичью рту не лзя въ бутылку влѣзть,
 Такъ ей нельзя и мяса ѣсть.

Въ бутыль зубовъ лисица не впахала,
 И опустивъ ушки, хвосточкомъ замахала.

А. Сумароковъ.

О Д Н О К О Л К А .

—

Отцы! сей притчи вы не забываете ,

Ребятамъ воли не давайте.

Какой-то былъ въ деревнѣ дворянинъ ,

У дворянина сынъ :

Мальчишка былъ изнѣженъ ,

Рѣзвиться былъ прилѣженъ ,

Не знаетъ онъ аза

Въ глаза ,

И что гроза ,

И что лоза ,

И что слова которы дѣтямъ колки.

Родитель рѣзвости дитятины сносилъ.

Дитя просилъ ,

Поѣздить, нѣкогда, у тяти одноколки ,

А править самъ хотѣлъ:

И выпросивъ ее, кататься полетѣлъ :

Едва конемъ мальчишка править:

Свиней, собакъ и кошекъ давить.

Мяучанье, лай, визгъ во всей деревнѣ той ,

Во всей деревнѣ шумъ. Кричатъ ему: постой!

На право, въ лѣво, прямо!

Однако конь, упрямо ,

Какъ хочетъ такъ бѣжить ,

И какъ изволить скачетъ.

Мальчишка плачетъ,

Мальчишка мой дрожить ,

Дитя мое визжитъ ,

Въ дитяти сердце поетъ ,

Мальчишка воетъ ,

И возжи, не учивъ онъ кучерскихъ наукъ ,

Пустилъ изъ рукъ ,

А конь, оттолъ ,

Бѣжить на чисто поле.

Мальчишка мой, стѣня ,

Не держать ужъ коня ,

Конь быстръ, имѣетъ онъ копыты не лѣнны ,

Съ колесами, пахать по хлѣбу жолты нивы.

Конь былъ нахаль ,

И нивы онъ своимъ узоромъ распахаль ,

Давъ нивамъ рыцарскую сѣчу.

Попалася потомъ гора коню на встрѣчу ,

Глубокой подъ горой былъ доль и темной лѣсъ,
 Летитъ мое дитя съ небесъ,
 Раздулась у коня со гривой хвостъ и холка:
 Прости лошадушка, дитя и одноколка.

А. Сумароковъ.

ОТРЕКШАЯСЯ МІРА МЫШЬ.

Съ лягушками войну злясь мыши начинали:

За что ?

И сами воины того не знали ;

Когда жъ не зналъ ни кто ,

И мнѣ безвѣстно то.

То знали только въ мірѣ ,

У коихъ бороды пошире.

Затворникъ былъ у нихъ и жилъ въ Голланд-
 скомъ сырѣ:

Ни что изъ свѣтскаго ему на умъ нейдетъ ;

Оставилъ навсегда онъ роскоши и свѣтъ.

Пришли къ нему двѣ мышки,
 И просятъ, ежели какія есть излишки,
 Въ имѣніи его,
 Чтобъ подалъ имъ хотя немного изъ того,
 И говорили: мы готовимся ко брани.
 Онъ имъ отвѣтствовалъ, поднявши къ сердцу
 длани:

Мнѣ дѣла нѣтъ ни до чего:
 Какія отъ меня, друзья, вы ждете дани?
 И какъ онъ то проговорилъ,
 Вздохнулъ и двери затворилъ.

А. Сумароковъ.

ДРЕВЕСНЫЕ ЛИСТЫ.

Держась на вѣточкѣ листочикъ молодой,
 Однажды такъ въ своей печали объяснялся:
 О сколь несчастенъ жребій мой!

Возможноль, чтобы я отъ скорби удержался,
И не завидовалъ счастливымъ тѣмъ листамъ,
Которы носятся куда хотятъ по волѣ —

То по лугамъ ,

То въ полѣ ,

Вездѣ, гдѣ вздумалось имъ только побывать.

О какъ они благополучны !

Возможно ли себя мнѣ съ ними поравнять ?

Ужели вѣчно дни я скучны

Судьбою осужденъ въ лѣсу препровождать ?...

На вопль сей вѣтка отвѣчала :

Напрасно ты грустишь, мой другъ !

Повѣрь, листочки тѣ не счастливы ни мало;

Ты заблуждаешься.....Взгляни на этотъ лугъ ;

Смотри какъ вѣтеръ ихъ куда ему угодно ,

Таскаетъ за собой ;

Имъ даже время нѣтъ и отдохнуть свободно ;

Такъ гдѣ же воля тутъ? и гдѣ для нихъ покой ?

Ахъ, еслибъ видѣлъ ты, какъ вѣтеръ разъярен-

ный

Ихъ въ страшны пропасти ввергалъ ;

Тогдабъ ты опытомъ узналъ ,

Что жребій ихъ блаженный

Совсѣмъ не тотъ, какимъ казался онъ для насъ.

Такъ точно юноши, игралище ихъ страсти,

Ища свободы всякій часъ,

Надеждою пустой ввергаются въ напасти.

Конечно въ жизни сей,

Быть независимымъ, есть счастье для людей;

Но если мы хотимъ до сей достигнуть цѣли,

То должно, чтобы мы собой владѣть умѣли.

Н. Мацневъ.

ПРОСТОЙ ЦВѢТОКЪ и ДРАГОЦѢННАЯ ВАЗА.

Въ прекрасной вазѣ драгоцѣнной,

Не знаю случаемъ какимъ,

Былъ посаженъ цвѣтокъ весьма обыкновенный.

Кто мимо ни пройдетъ, остановясь предъ нимъ,

Не можетъ вазою довольно любоваться.

Цвѣточикъ не хотѣлъ совсѣмъ и сомнѣваться,
 Чтобъ едакая честь не для него была.

Родилась гордость въ немъ, ко всѣмъ прене-
 бреженъе,

И даже къ розѣ ужъ, что близъ его росла,
 Онъ возымѣлъ презрѣнье.

Ему казалось, что въ свѣтѣ онъ одинъ

Презнаменитая особа,

Что всѣ должны ему покорны быть до гроба.
 Въ сихъ мысляхъ объ себѣ его вдругъ госпо-
 динъ

Изъ вазы вынувши въ простой горшекъ сажаетъ.

Лишась подножія и всѣхъ богатствъ, цвѣтокъ

Въ презрѣніи въ саду дни жалки провождаетъ.

Для многихъ кажется полезенъ сей урокъ.

Ну чтобы стоило казать всѣмъ снисхожденъе?

За чтобъ не дѣлать намъ добро по всякій часъ,

Чтобъ онымъ заслужить всегдашнее уваженъе?

Но на бѣду не всѣ такъ думаютъ у насъ. . . .

Спѣсивы на мѣстахъ — а тамъ, какъ ихъ лп-
 шатся,

Должны въ забвеніи какъ нашъ цвѣтокъ остаться.

Н. Мацневъ.

ЗЕМЛЕДѢЛЕЦЪ и ЕГО ДѢТИ.

Богатый пахарь умиралъ.

Предъ смертью онъ своихъ дѣтей къ себѣ созвалъ,
И безъ свидѣтелей сказалъ имъ откровенно,
Что не должны они наслѣдства продавать,
Которо ихъ отцы съ трудомъ могли собрать,
И что сокровище въ поляхъ ихъ сокровенно;

Пельзя ему лишь мѣста знать,

Но что со временемъ, трудами

Они его отыщутъ сами.

Вотъ умеръ старичокъ, оставя всѣхъ въ слезахъ.

Проходитъ мѣсяцъ, два, весна ужъ наступила,
И наша добрая семейка на поляхъ,

Безъ памяти всю землю рыла,

Авось либо найдетъ упомянутый кладъ.

Все было вспахано и даже самый садъ,

Не говоря уже объ полѣ.

Противу прежняго хлѣбовъ гораздо болѣ,

И столько, что его имъ некуда дѣвать;

Сокровищажъ никакъ пельзя было сыскать.

Имъ опытный родитель,
 Хотѣлъ симъ только показать,
 Что трудъ есть отъ нужды великій избавитель,
 И въ этой жизни кладъ прямой.
 Къ богатству въ мірѣ семь дороги нѣтъ дру-
 гой.

Н. Мацневъ.

СОВѢТЪ МЫШЕЙ.

Былъ котъ лихой. — Въ полночну тишь
 Когда мелькнетъ изъ норки мышъ,
 То васькѣ драчуну не дешево заплатить,
 Ее въ минуту онъ подхватить.
 Лишь за ворота котъ, или глаза сомкнетъ,
 Всѣ мыши въ домѣ томъ сойдутся на совѣтъ.
 Въ совѣтъ прежде всѣхъ витійствуетъ старуха,
 Краснорѣчивая изъ всѣхъ мышей,
 Извѣстная и ногъ проворствомъ и ушей,

Кричитъ: нашейку подлѣ уха

Извольте вы коту звоночикъ прицѣпить.

Лишь противъ насъ въ походъ захочетъ онъ
ступить,

Услышавъ по звонку котово нападенъе,

Получимъ отъ него утечкой мы спасенье.

Пусть всѣ одобрили совѣтъ,

Однако прицѣплять звонка ни кто нейдетъ.

Совѣтникъ говоритъ: зачѣмъ терпѣть нападки?

Звонокъ бы прицѣпилъ я самъ — да у меня

Уже три дня

Трясутся лапки.

Нерѣдко у людей, съ умомъ и безъ ума,

Проектовъ тъма!

**Взгляни на нихъ — то все прекрасно, остро-
жно;**

Одна бѣда, что ихъ исполнить невозможно.

Д. Хвостовъ.

МЕДВѢДЬ и ОГОРОДНИКЪ.

—

Жилъ былъ медвѣдь въ лѣсу и дикомъ и пу-
стомъ.

Такая жизнь куда годится?

Всѣ любятъ разумомъ съ сосѣдями дѣлиться,

Промолвить съ кѣмъ или о комъ.

Животныя въ чащу почти что не ходили,

И бѣлки мишенькѣ вѣстей не приносили;

Пусть этотъ былъ медвѣдь — Анохоретъ, му-
дрецъ,

Легко свихнуться могъ и сдѣлаться глупецъ.

У насъ и въ городахъ безлюдье многихъ му-
чить;

Такъ вѣрно, что медвѣдь въ пустыни жить на-
скучить. —

Въ верстѣ, не далѣе, былъ у него сосѣдъ,

Отъ огородовъ свой имѣлъ ночлегъ, обѣдъ.

Толкуютъ, разсуждаютъ

И знатное лице играютъ

Лишь въ басенькахъ моихъ и травки и цвѣты,

На дѣлъ что они? — нѣмыя красоты.

Угрюмый человѣкъ, т. е. сосѣдъ медвѣжей
 Соскуча, можетъ быть, жить вѣчно съ спар-
 жей свѣжей,

Однажды поутру задумчиво бродилъ

Густаго лѣса по опушкѣ;

Съ медвѣдемъ Флоры жрецъ на встрѣчу пырь
 другъ дружкѣ.

Хоть въ огородникѣ духъ крѣпко приуцылъ,
 Медвѣдь его ласкалъ, словами ободрилъ;

А тотъ сказалъ сосѣду:

Къ простому я тебя, медвѣдь, зову обѣду,
 Откушать безъ чиновъ, пожалуй заверни,
 Есть сливки, сыръ, соты, — и будемъ мы одни.

Медвѣдь не погнушался,

Онъ къ огороднику дорогой подбивался,
 Завелъ съ нимъ связь, и побратался,
 У огородника на цѣлой вѣкъ остался.

Медвѣдь былъ молчаливъ,

А огородникъ тожъ не больше говорливъ,
 Съ утра до вечера все вмѣстѣ неразлучно,
 Другъ съ другомъ имъ не скучно.

Хозяинъ работалъ

И дѣло велъ въ порядкѣ,

Ходилъ въ парникъ, корпѣль на грядкѣ,
Всегда пололъ и поливалъ;

А благодѣтелю и другу

Мишукъ оказывалъ услугу:

По лѣту въ жаръ, когда хозяинъ почивалъ,

Наперсникъ вѣрный —

Обмахивальщикъ былъ примѣрный.

Хозяинъ вздремлетъ лишъ и успокоить духъ,

Не только что рычать, медвѣдь ниже просто-
нетъ;

Махалку въ лапу взявъ, сгоняетъ ловко мухъ,

Отнюдь лица и рукъ у спящаго не тронетъ.

Бываетъ иногда усердіе не впрокъ.

Случися муха

Упрямаго и злаго духа:

То сядетъ на щеку, оттолъ на високъ;

Мишукъ смахнетъ ее — она на брови скокъ.

Мишукъ съ ней долго бился,

И наконецъ разгорячился:

Махалку бросилъ прочь, взялъ камень — муху

хлопъ,

И огороднику попалъ имъ прямо въ лобъ,

Который не вздохнувъ, въ сонъ вѣчный погру-
зился.

Читатель! не клади въ ротъ пальца острякамъ,
И не ввѣрай себя усерднымъ дуракамъ.

Д. Хвостовъ.

ВОЛКЪ и ЖУРАВЛЬ ЛЕКАРЬ.

Лѣсной вельможа волкъ однажды заболѣлъ:

Неосторожно ѣлъ,

И подавился;

Не въ силахъ былъ кричать, чтобъ вытащили
кость;

Но милый гость

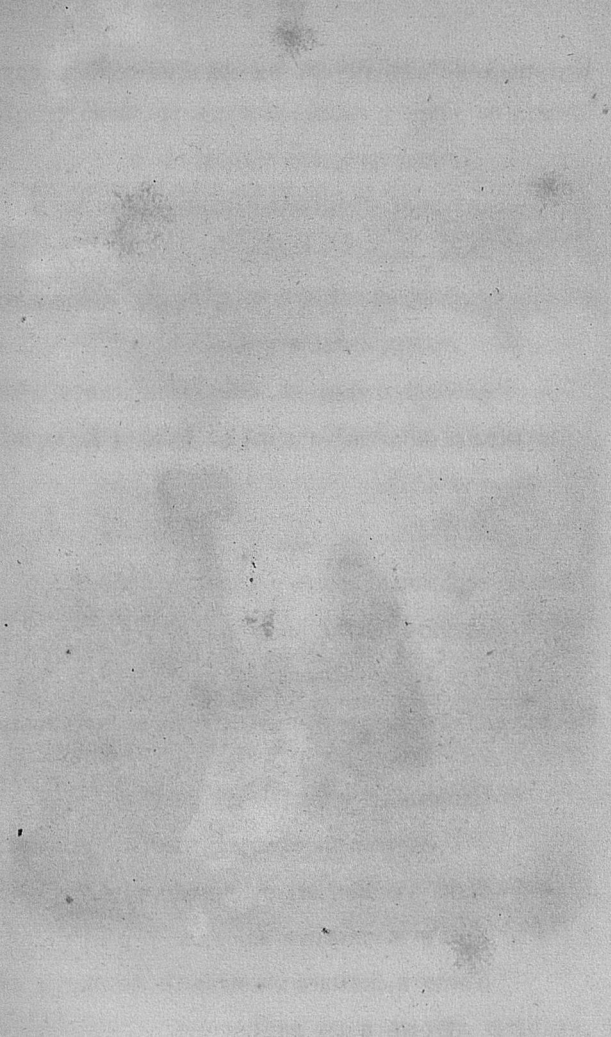
Журавль явился.

Едва успѣлъ отдать поклонъ,

То длиннымъ носомъ

Кость вынимаетъ вонъ;

Потомъ съ запросомъ:

Дай плату мнѣ, а волкъ не чивъ, —

Врачу сказалъ: давноль былъ у меня во власти?

Будь тѣмъ счастливъ,

Что ты освободилъ свой носъ изъ волчьей па-
сти.

Вельможѣ хитрому кто оказалъ услугу,

Совѣтую какъ другу,

Объ этомъ язычкомъ не много шевелить,

Награды у него за трудъ свой не просить.

Д. Хвостовъ.

МОЛОШНИЦА и КУВШИНЪ СЪ МОЛО- КОМЪ.

Одѣтая легко Параша изъ села

Въ сосѣдній городокъ на рынокъ побѣжала,

Безмѣрно весела.

Въ кувшинѣ молоко на головѣ несла;

При томъ въ умѣ смѣкала,

Что сливки проданы, — на выручку яицъ

Уже себѣ купила,

Домой пришедъ на нихъ насѣдокъ посадила,

И развела цыплятъ; смѣяся говорила:

»Не опасуюся лисицъ,

»Цыплятокъ сбуду съ рукъ и скоро поросенка

»На деньги тѣ куплю,

»Его бардою откормлю.

»Продамъ и заведу корову и теленка.....

»Телятъ люблю.....

»Теленокъ на лужку при мнѣ передъ глазами

»Играетъ, рѣзвится нескладными прыжками!..

Параша тутъ сама

Почти что безъ ума.

Мечтательный доходъ такъ дорого цѣнила,

Короткій выбирая путь,

Что вздумала чрезъ ровъ, — и, небольшой —

прыгнуть,

Споткнулась, и кувшинъ на землю уронила,

Разбила въ дребезги кувшинъ, а съ черепка

По травкѣ полилась молочная рѣка.

Прощай телятъ прыжки, и ласки, и пріятство,
И все Парашино богатство !

Хмѣльницкій правъ — мы всѣ, въ деревнѣ, въ
городахъ ,

Во снѣ и на яву здѣсь плаваемъ въ мечтахъ,
Воздушные вездѣ всѣ люди замки строятъ ,
Фортуны о себѣ тогда не беспокоятъ.

Я самъ въ углу своемъ являюсь въ брочѣ ,
Даю Суворову уроки на войнѣ ,

Первопрестольные я покоряю грады ,

Владѣю царствами Эллады ,

Мой пышный Долиманъ въ алмазахъ, серебрѣ;

На златошвейномъ я разнѣжася коврѣ ,

Нашей и Муфтія не соизволю слушать....

Слуга лишь позоветъ въ гостинную чай кушать,

Какъ было съ молоду, останусь при Кубрѣ....

Д. Хвостовъ.

Ж У Р А В Л Ь.

—

Однажды вдоль рѣки, поднявши къ верху
шею,

Съ обычной важностью своею

Журавль изволилъ выступать.

Во то время, надо знать,

Зефировъ тихое, пріятное дыханье

Не приводило водъ въ большое колебанье;

И такъ кристалль рѣки, при ясности небесъ,

Являлъ премножество чудесъ:

Тамъ съ щукою сазанъ межъ тростника играетъ;

Тутъ линь изъ подо мха со дна рѣки всплываетъ;

Здѣсь окунь, бершъ, судакъ — отдѣльно отъ

другихъ,

Какъ рыбы чистоплодны —

Не возмущая токи водны,

Гуляютъ плавно въ нихъ.

Журавль все видѣлъ то, и могъ бы безъ со-

мнѣнья

Любую на обѣдъ себѣ изъ рыбъ поймать ,

Но онъ имѣлъ обыкновенье

Въ извѣстные часы обѣдъ свой отпирать.

Чрезъ нѣсколько минутъ насталъ и часъ обѣда;

А съ нимъ почувствовалъ журавль и аппетитъ ;

Поближе къ берегу — туда, сюда глядитъ ,

Но прежнихъ рыбъ ни слѣда!.....

Явилась стая карасей.

Вотъ пища славная для насъ — для журавлей!

Вѣдь я еще не умираю

Голодной смертію; такъ лучше подождать,

Чѣмъ этой дрянью носъ марать —

Журавль изволилъ такъ съ собою разсуждать.

Исчезли караси, другую видить стаю —

Какихъ же рыбъ? мольковъ!.....

Чтобъ я сталъ ѣсть мольковъ? я? О, избави
Боже! ,

На что это похоже?

Да знаютъ ли кто я таковъ?

Журавль! да и большой породы;

Который въ вѣдѣньи своемъ

Всѣ здѣшнія имѣетъ воды;

Который господинъ во всемъ ,
 Что въ нихъ ни есть съѣстнаго , —
 И долженъ ѣсть молька дряннаго ?

Спасибо! Но журавль покуда говорилъ ,
 И этотъ рой уплылъ.

А голодь, между тѣмъ, часъ отъ часу сильнѣе
 Тревожилъ журавля : — ужъ стало все милѣе,
 Пріятнѣе ему, чѣмъ прежде пренебрегъ —
 Чего терпѣть не могъ:

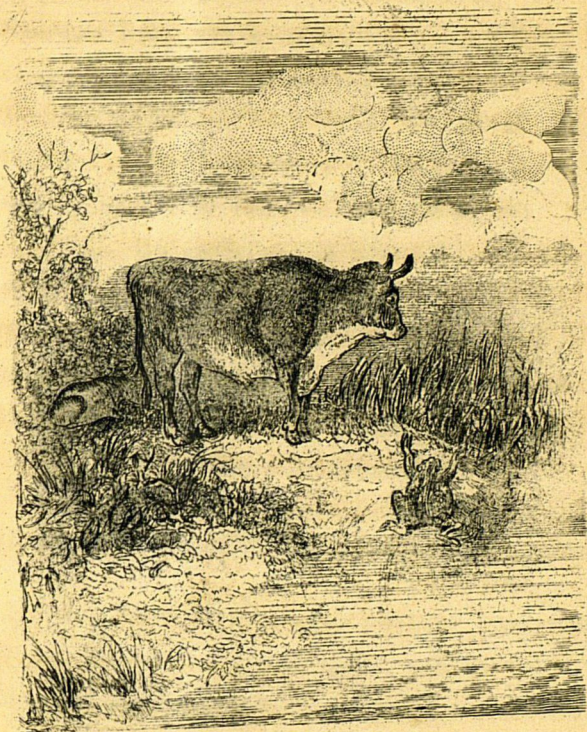
Желалъ бы караська — ихъ болѣе не стало ,
 Хоть бы мольковъ поѣсть — и ихъ какъ не
 бывало!

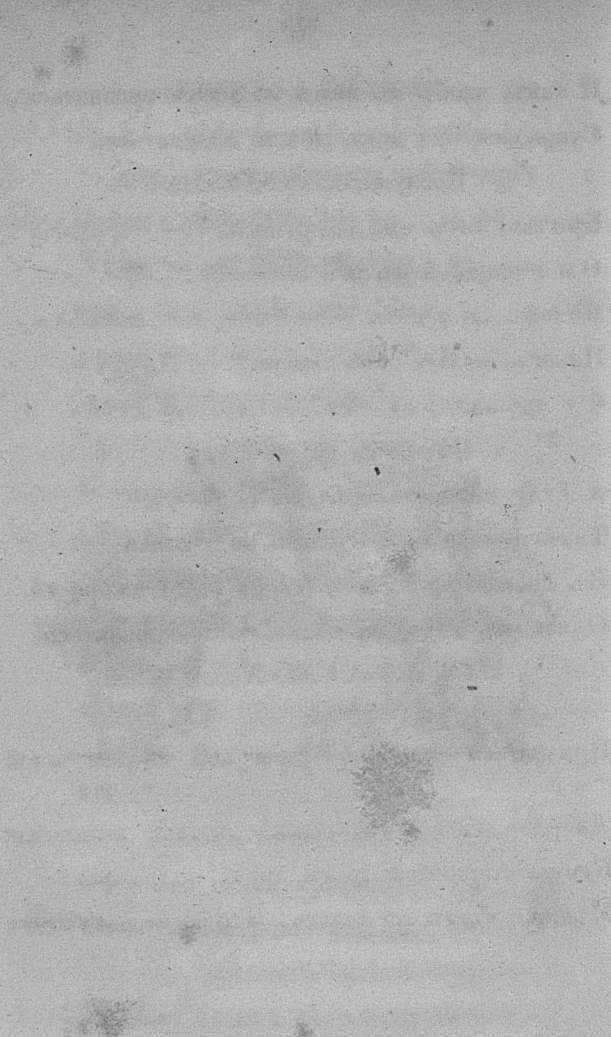
Пришлось улиткою ему довольнымъ быть,
 Чѣмъ голодомъ себя морить.

А. Агаев.

БЫКЪ и ЛЯГУШКА.

Лягушка, увидавъ огромнаго быка,
 Хотѣла также быть толста и велика.

И такъ, чтобъ съ нимъ во всемъ сравняться,
Старалася она какъ можно надуваться.

Послушайка, мой свѣтъ!

Кричала такъ она подружкѣ,

Одноболотной съ ней лягушкѣ :

Похожа ли теперь я на быка, иль нѣтъ?

Никакъ! — Ну, вотъ теперь? — Ни мало.

Фу пропасть! ну еще? — Еще все ничего.

Во чтобы то ни стало,

А буду походить я очень на него!

Такъ думала она, и снова надуваться

Въ досадѣ принялась, сколь было можно ей.

Однакожь лопнула, но не могла сравняться

Съ быкомъ величиной своей.

—

Признаться надобно, мы все съ лягушкой
схожи:

Дворяне жить хотятъ, какъ знатные вельможи;

Купцы стараются другъ другу подражать;

Мъщане чтутъ за стыдъ, чтобъ отъ купцовъ
отстать.

А. Азаев.

ЕРШЪ и ЩУКА.

»Къ чему таращишься, ершишься,
 И'кажешь только хвостъ всегда?
 Да развѣ ты меня страшишься!
 Была-ль я врагъ тебѣ когда?«
 Ершу такъ щука гвворила —
 И всячески его клонила
 Вступить съ ней въ дружескую связь, —
 И продолжала такъ:
 »Ты не болотный обитатель,
 »Не низка тварь карась;
 »Но житель рѣкъ и намъ пріятель:
 »Изъ рыбъ то знаетъ всякъ; —
 »Одно твое происхожденье
 »Внушаетъ ужъ къ тебѣ почтенье;
 »И я сочла-бъ въ позоръ
 »Съ ершами произвестъ раздоръ, —
 »Что отъ самой природы
 »Въ рѣкахъ рожденны для свободы:
 »Прошу, дружокъ, оставя страхъ,
 »Гулять ко мнѣ въ моихъ водахъ.«

Но ершъ, не ставши ей внимать,
 Сказалъ: нѣтъ! извини, что я не довѣряю
 Столь ласковымъ твоимъ словамъ;
 Остями я себя отъ щукъ предохраняю:
 Увѣренъ, что съ хвоста я вамъ не по усамъ,
 И не стараюсь съ фигуры васъ встрѣчать,
 Слова твои хотя не грубы,
 Но ротъ широкъ и остры зубы
 Терзаютъ, я видалъ, безпечныхъ окуней;
 Такъ вѣрно пагубны они и для ершей.
 Вильнулъ хвостомъ, ушелъ, а щука такъ от-
 стала,
 Какъ будто безъ соли хлѣбала.

—

Коварный когда строить ковъ,
 Хвалить, честить, ласкать готовъ:
 Но тотъ, кто хитрыхъ знаетъ,
 Ихъ лесть къ ушамъ недопускаетъ.

И. Лобысевичъ.

ВОЛКЪ и ЛИСА.

Прорыскавъ тщетно цѣлы сутки
 По перелѣскамъ и лугамъ,
 Проголодавшись безъ шутки —
 Набѣгавшись и по полямъ,
 Волкъ тощій, изнуренный
 Клялъ рокъ ожесточенный:

»Увы! увy! не вижу въ жизни я отрадъ:

»Терплю томленья, муку, гладь!

»Съ досады, съ озлобленья

»Пущуся въ ближнія селенья,

»Рѣшусь въ виду самихъ собакъ

»Схватить свинью иль поросенка.«

Волкъ, завывая такъ,

Къ околицѣ села подходитъ:

И что же къ радости находить?

Близъ самаго гумна стоящаго теленка.

Хотя то не теленокъ былъ,

А шкура лишь его соломою набита,

Но голодъ волка ослѣпилъ —

Онъ мнилъ телятинки пахламкаться до сыта.

И на припаду бросаю во весь духъ —
Какъ камень въ воду, въ яму бухъ!

И очутся какъ въ кувшинѣ,

Зубами хлопая, поднялъ ужасный вой.

Межъ тѣмъ случилось по судьбинѣ,

Что и лиса тропою той

Бѣжала красть курей къ сараю ;

Послыша дикій тонъ, смекала про себя :

Ау! по голосу я знаю —

Мой куманекъ ! — зайду-жъ привѣтствовать
тебя;

И въ яму заглянувъ — сказала: »поздравляю!

»Дражайшій кумъ! удалый молодецъ!

»Плохонекъ твой конецъ.

»Однако заключаю,

»Что такъ и должно быть:

»Къ чему зубами хлопать, выть,

»Когда не могъ ты осмотрѣться,

»Что яма глубока и чучелы нельзя наѣсться;

»Признаться, я иду красть куръ,

»Но я не изъ числа тѣмъ дуръ,

»Которые призракъ за истину примаютъ:

»Знай, воры глупые одни лишь погибаютъ —

»А умные живутъ

»Среди довольствъ и уваженья,

»Ворами не сльвуть

»За ловки ускромленья;

»Повѣрь — сколь я курятину люблю,

»Но и за сто курей себя не погублю.«

Волкъ взвыль: »кума! оставь на время поученья:

»Твой умъ способенъ дать мнѣ лапу избав-
ленья!

»Ты видишь, я погибъ... «

— »И ништо, съѣлъ ты грибъ!

»Дуракъ дурачки погибаетъ,

»А умный кое-какъ своихъ дней доживаетъ.

»Прощай кумъ и простися съ свѣтомъ симъ,

Спѣшу за дѣломъ я своимъ.« —

Пошла и къ курнику подходить осторожно,

И видитъ что дыра, гдѣ лазила она,

Не меньше сдѣлалась окна;

Знать частоколина упала ненарочно,

Замысловатая плутовка разсуждала;

Обнюховъ все кругомъ, куриный чую пахъ,

Оставила сомнѣнье, страхъ, —

И прыгъ въ дыру, въ капканъ попала,

Въ плѣну лукавица хвостомъ вертитъ,

Грызетъ капканъ, визжитъ:

»Ай! ай! бѣда и мнѣ за прегрѣшенья,

»Пришлось терпѣть мученья;

»О лютая напасть!

»Погибла я на вѣки!

»Знать волку дѣлала не во время упреки:

»Постигла и меня зла часть.«

Лиса не помогла себѣ тѣмъ разсужденъемъ,

И солнца съ восхожденъемъ

Смотрѣть принадъ пошелъ ловецъ,

И куму и кумѣ опредѣлилъ конецъ.

Лиса жъ предъ смертію сказала:

»Зачѣмъ я напередъ о томъ не разсуждала,

»Что если бы воровъ не думали ловить,

»То честнымъ бы нельзя на свѣтѣ жить.

»Хищенье ремесло препагубно, неспоро:

»Воръ въ петлю попадетъ навѣрно, хоть не-
скоро.«

П. Лобысевигъ.

ЛЮБИТЕЛЬ МУЗЫКИ.

—

Уѣздный нѣкто житель

Престрастный музыки любитель,

Имѣя собственный оркестръ,

Всѣмъ композиторамъ составивши реэстръ

Иль списокъ поимянной,

Держалъ обычай странной:

Однихъ чрезъ-чуръ превозносить,

А прочихъ безъ причинъ хулить.

Онъ увертюрами наиболѣе плѣнялся,

Моцартовъ другимъ предпочиталъ;

И каждому въ томъ клялся,

Что музыки хоть самъ не зналъ,

Но автора сего творенья,

Когда въ театрѣ онъ бывалъ,

Лишь заиграютъ, узнавалъ

Безъ всякаго предъупрежденья:

Что слыша раза три Моцартовъ увертюръ,

Онъ можетъ голосомъ пропѣть

На память весь, безъ запинанья.

Одинъ его знакомый балагуръ,

Желая посмотрѣть,

Имѣетъ ли знатокъ тѣ знанья:

Творцовъ иныхъ списавши увертюръ пятокъ,

Къ охотнику отвезъ — подсыпавъ увѣренья,

Что увертюры тѣ Моцарта сочиненья,

Еще не изданныя въ свѣтъ,

Которыхъ и въ печати нѣтъ:

Что онъ досталъ ему для угожденья. —

А нашъ знатокъ,

Бывъ виѣ себя отъ восхищенья,

Скорѣ ихъ протверживать велѣлъ.

На завтраѣ оркестръ его уже гремѣлъ.

Звукъ скрипокъ, трубъ, литавръ, гобоевъ раз-
давался,

Любитель виѣ себя по тонамъ измѣнялся;

И въ изступленіи такъ друга увѣрялъ,

Что лучшихъ увертюръ еще онъ не слыхалъ —

Притомъ находить,

Что Моцартъ самъ себя въ сихъ штукахъ пре-
восходитъ.

Присемъ знакомца онъ спросилъ:

»Чѣмъ я служить могу за ваше одолженіе ?«

А сей ему тогда открылъ

Его предубѣжденіе —

Сказавъ: »Моцартъ весьмабы желалъ,

Чтобъ ты его уволилъ отъ похвалъ.«

—

Есть люди, авторамъ приписуютъ хулы,

И сочиненія ихъ сатирой раздираютъ:

Хоть сами грамотъ не очень твердо знаютъ.

О Боже! упаси отъ ихней похвалы!

П. Лобысевичъ.

Д У Б Ъ.

—

Вблизи дороги столбовой ,

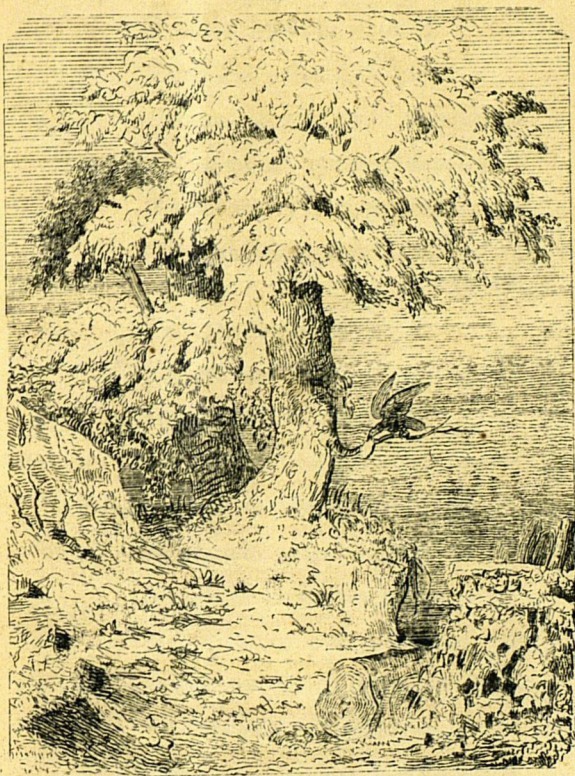
Вершиной возносясь высоко ,

Стоялъ дубъ старой, вѣковой ;

Сквозь густоту вѣтвей не проникало око ,

И не было среди дубровъ

Такихъ осанистыхъ дубовъ ;

Казалось, что сама природа
 Произвела его на радость для народа :
 Бывало лѣтнею порой ,
 Какъ бы пчелиный рой ,
 Толпами путники вокругъ дуба увивались ,
 И тѣнию его спокойно наслаждались ;
 Когда же тучи заревуть ,
 Польетъ ли дождь , иль градъ же-
 стокой ,
 То путники бѣгутъ
 Искать пріютъ
 Подъ дубъ высокой !
 Но дни несчастія въ свою чреду придуть :
 Шумить гроза, всклубилась туча съ тучей,
 Вспылали молніи кругомъ ,
 Ударилъ страшно громъ —
 И поразилъ сей дубъ могучій.
 Не стало болѣе густыхъ вѣтвей на немъ ,
 Отъ молній обгорѣлый ,
 Стоялъ онъ тамъ осиротѣлый ,
 Чернѣя одинокимъ пнемъ.
 И все его чуждаться стали ;

Ни кто къ нему нейдетъ ,
 На немъ и птичка не поетъ ,
 Лишь филины на немъ въ полночь завывали.

Еще не минуло двухъ дней ,
 Какъ стая жирная свиней ,
 Съ желудкомъ тощимъ набѣжала ;
 Бывало, съ благостныхъ вѣтвей
 Кормъ сыпался имъ до отвала ;

Онъ пришли еще отвѣдать желудей ,
 Глядятъ . . . ихъ дубъ стоитъ въ несчастіи уны-
 ломъ.

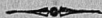
»Такъ видно отъ него намъ прока не видать!«

Сказали, и давай коренья подрывать
 Неблагодарнымъ рыломъ !

И что на нихъ дивить? онъ презрѣнный скотъ ;
 Взгляните лучше на народъ ,
 Который отъ грозы подъ дубомъ укрывался ,
 Подъ нимъ прохладою въ день знойный на-
 слаждался,

Теперь кто мимо въ путь спѣшитъ ,
 На обгорѣлый дубъ косяся поглядитъ ;
 Другіе тутъ его колесами толкали ,

На дряхлый пенъ метали грязь ,
 И даже нестыдясъ
 Жилищемъ филина, горѣлымъ пнемъ ругали
 Тотъ благотворный дубъ , который въ жаркій
 день ,
 Давалъ прохладную имъ тѣнь.
Е. Алпановъ.

ВОЛКЪ и ЛИСИЦА.

Съ лисицей волкъ въ одномъ помѣстьѣ
 жили ,
 Все лѣто въ дружествѣ отраду находили ;
 Съ лисицею у волка ладъ !
 И кто жъ такой сосѣдушкѣ не радъ ?
 У ней съ какою-то пріятностію глазки ,
 Всегда привѣтствія и ласки ;
 Казалось дружба съ нею кладъ ;

Чего она сосѣду не сулила?

И вотъ какъ говорила :

»Голубчикъ мой, сосѣдъ,

Жалью о тебѣ; дни зимніе настанутъ,

Овечки на лужокъ тогда ужъ не заглянутъ,

И гуси на поляхъ не будутъ гоготать;

А ты тогда, бѣднякъ, ты долженъ голодать!

Нѣтъ, милый мой, тебяль оставлю? успокойся!

Курятники въ деревнѣ всей

Извѣстны мнѣ, такъ голода не бойся!

Въ ночь темную зимой, индѣекъ, куръ, гусей,

Ловить привычное мнѣ дѣло;

Лишь на меня надѣйся смѣло!

Лежи, да птицъ себѣ по сердцу выбирай;

Тутъ не житье намъ будетъ, рай!«

Растаялъ волкъ, надеждою польстился,

И душу радъ сосѣдушкѣ отдать;

Случится ли ему гдѣ зайчика поймать,

Ягненка, иль гуська, всѣмъ съ лисынькой дѣ-
лился,

И каждый Божій день пирушки ей давалъ.

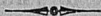
А какъ зима настала,

Тогда ужъ отъ лисы обѣда ожидалъ ;
 Она словцо свое по лисьему сдержала ,
 И лапкой пастуху — на волка указала . !

—

Хитрецъ пріятель злымъ ,
 Но ненадеженъ имъ .

Е. Алпановъ.

ЗАЯЦЪ и ЛИСИЦА.

—

Уѣзда секретарь, а можетъ и подьячій ,
 Въ лѣсъ гончихъ запустилъ. Услыша лай со-
 бачій

Лисица, зачала хитрить , вилять ,
 А заяцъ глупъ — бѣжать ,
 Куда же? — въ поле ;
 А тамъ собакамъ воля !
 Онъ его ловить ;

Онъ прытокъ былъ, — такъ къ счастью не
поймали ;

На немъ лишь шкуру изорвали. —

Такъ и быть ! —

»Ты глупъ, лисица говорила ;

Поздненько хоть, но зайца такъ учила :

»Отъ множества собакъ, какъ можно усколь-
знуть ?

Впередъ умнѣ будь :

»Старайся укрываться ;

»Тебѣ въ лѣсу бы оставаться. —

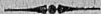
»Косой! замѣть: тѣ псы, которые молчатъ ,

»Гораздо больше навредятъ :

»Кто ловить, тотъ не лаеетъ. —

И въ людяхъ тожъ бываетъ.

П. Ладыжинскій.

ЛЮБОПЫТНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

—

Осель слыхалъ,
 Что кто въ чужихъ земляхъ бывалъ,
 Другихъ умнѣе становился, —
 И путешествовать осель пустился!

Торопится, спѣшить;
 То по дугу несется,
 То на гору бѣжить;

Ну какъ, на срокъ ему дней мало остается.

Вотъ какъ за дѣломъ нашъ осель спѣша,
 И отъ усталости едва дыша,
 Знакомаго быка онъ встрѣтилъ;
 Тотъ спросту такъ ослу замѣтилъ:
 Что путешествовать ему

Не по уму.

»Да тутъ-то, онъ сказалъ, ума и наберуся,

»Когда диковинъ наглажуся!... —

Напрасно на себя ты трудъ, осель, берешь:

Вѣдь ничего ты не поймешь!...

Двуногимъ тожъ осламъ я бѣ сдѣлалъ замѣ-
чанье ,

Когда бѣ не предпочелъ болтливости молчанье.

П. Ладыжинскій.

КУРИЦА и ЯЙЦО.

Однажды курицу яйцо учило ,
Что ужъ давно бѣ оно цыпленкомъ было,
Когда бѣ ей вздумалось присѣсть . . .
— И коршуны могли бѣ тебя унести! —
Ему такъ курица сказала ,
И несть яйцо другое стала.

И въ людяхъ не умнѣ тотъ яйца,
Коль кто начнетъ учить отца.

П. Ладыжинскій.

СОБАКИ: БОЛТЛИВАЯ и СКРОМНАЯ.

—

Собака датская по улицѣ хромала,
 Другая въ золотомъ ошейникѣ пристала,
 Породой изъ борзыхъ; а такъ какъ вмѣстѣ шли,
 Чтобъ время сократить, такъ въ разговоръ во-
 шли.

Борзая начала: я множество ловила

И бѣляковъ,

И русаковъ,

А кроликовъ, какъ мухъ душила!

Меня стремянный расхвалилъ,

И баринъ наградилъ.

Стремяннаго и я за то благодарила —

И кроликовъ, ему особенно, ловила.

Борзой оконча, вопрошалъ:

Товарищъ, отъ чего хромалъ?

Медвѣдю, ловчій нашъ попался,

Его освободя, съ медвѣдемъ какъ сражался,

Тотъ лапу мнѣ сломалъ.

Уже ль тебя не наградили?

За то жъ? — я должность исполнялъ.

Желаю лучше я, чтобъ у меня спросили:

Зачѣмъ награды не прошу —

А не за что ее ношу.

П. Ладыжинскій.

С К В О Р Е Ц Ъ.

Одинъ скворецъ,

Какъ надо быть — дѣлецъ,

За кормомъ отлучился;

Товарища своего, съ которымъ онъ учился,

Дорогой повстрѣчалъ.

Радъ безъ души ему, до ночи съ нимъ болталъ

И почевать остался.

На утро, какъ домой собирался,

Подумалъ, что ему

Ужъ лучше одному

Остаться ;

А къ самкѣ показаться ,

Бѣда !

Бранить она его напрасно завсегда —

А тутъ, ужъ какъ ей не придраться ;

Такъ лучше уже съ ней на вѣкъ раз-
статься.

О яйцахъ и гнѣздѣ ужъ что тужить ;

Я лучше соглашусь все вновь нажить ,

Чѣмъ всякой часъ терзаться

И дому своего — бояться.

Мнѣ воля дорога !

Зачѣмъ съ злодѣйкой жить ; вездѣ найду врага.

Вотъ такъ скворецъ судилъ , и пусть мнѣ кто
покажетъ ,

Коль дружба и любовь два сердца вмѣстѣ свя-
жетъ ,

Что ихъ порокъ связь разорвалъ.

А я на то скажу : ихъ Богъ не съединялъ.

И. Ладыжинскій.

ДѢТИНА и КОНЬ.

—

Дѣтина на конѣ, имѣя умъ незрѣлой,

Скакаль день цѣлой,

Во всю коневью мочь.

Приходитъ ночь,

Лошадушка устала,

Скакать потише стала,

И шла шагомъ.

Внезапно съ стороны набѣгли воры.

Дѣтина трусъ сражаться со врагомъ,

Даетъ лошаdkѣ шпоры,

И плетью бьетъ.

Лошадушка неидетъ,

И говоритъ дѣтинѣ :

Моей ужъ мочи нѣтъ,

Хоть бей, хоть нѣтъ, меня по спинѣ ;

Когда бъ ты давича умѣлъ меня беречь ,

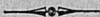
И не давалъ мнѣ муки,

Не отдала бъ теперь тебя ворами я въ руки.

—

Читатель! примѣчай, къ чему моя здѣсь рѣчь.
 Кто въ юности свои пороки побѣждаетъ,
 Тотъ въ старости свой вѣкъ спокойно провож-
 даетъ.

В. Майковъ.

ГОЛОВА и НОГИ.

Средь склизкія дороги
 Разспоровались ноги,
 И упрекались такъ другъ другу говоря:
 Ты бѣ, свѣтъ мой! безъ меня ни разу не сту-
 пила,
 Когда бы я себя къ землѣ не при-
 мѣнила ;
 И тако идетъ прѣ.
 Но какъ они главу имѣли за царя,
 То споръ свой разрѣшить судомъ ея хо-
 тѣли,
 И тотчасъ ихъ слова во уши прилетѣли.

Сей умной царь ихъ споръ симъ словомъ раз-
вязаль,

И повелительно обѣимъ имъ сказалъ :

Вы такъ сотворены премудрою судьбою,
Чтобъ жить въ согласіи вамъ вѣкъ меж-
ду собою.

То естли кончится согласіе межъ васъ ,
Мнѣ будетъ вредъ и вамъ. Они сей слы-
ша гласъ,

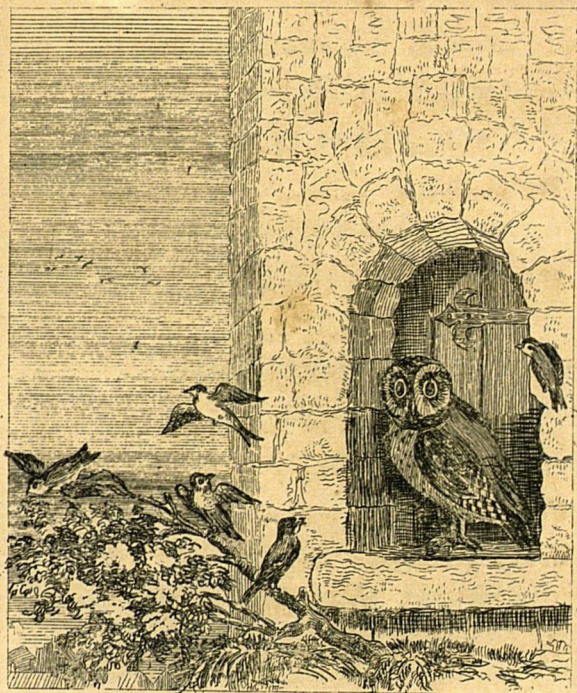
Пошли дорогою другъ друга сберегая,
И такъ дошли они дороги склизкой
края.

Баснь учить быть судьбѣ послушнымъ намъ
всегда,

И тако мы свой вѣкъ пробудемъ безъ вреда.

В. Майковъ.

С О В А.

—

Въ пространной лѣсѣ

Занесъ сову лукавой бѣсѣ,

Въ которомъ до того ужъ пташечки бы-
вали

И пѣсни сладкія пѣвали.

Взгордясъ сова,

Такія говоритъ слова :

Хотя я пѣть не разумѣю,

А пѣть не хуже я кого умѣю.

Совѣ непадобенъ совѣтъ ,

Всѣхъ пташечекъ зоветъ

Послушать гласа ,

Какъ будто бы она спустилася съ Парнаса.

Слетѣлись птицы все по зву

Услышати сову ;

Но только что сова лишъ ротъ свой рас-
творила,

Какую кашу заварила !

Всѣ птицы въ оной часѣ

Бранили совушку и мерской ея гласъ,

И всѣ взнегодовали.

За чѣмъ насъ, говорятъ, за чѣмъ насъ созывали?

Когда бѣ безумна ты чрезъ зовъ не собрала,

Тогда бѣ врала

Ты что хотѣла,

Намъ не было бы дѣла;

Или ты удивить тѣхъ птичекъ прилетѣла,

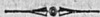
Которыя слыхали соловья?

А къ этому примолвлю я:

Кто дѣло силъ своихъ превыше затѣваетъ,

Тотъ также посрамленъ, какъ совушка бываетъ.

В. Майковъ.

КОРАБЛЬ и ЛОДКА.

Не вдаль

Корабль да лодочка стояли на рѣкѣ,

И вздернувъ носъ ,

Сей лодка кораблю содѣлала
вопросъ :

Не думаешь ли ты, что я тебя похуже ,

Хоть я тебя собой поменьше и поуже ?

Но храбрость я въ себѣ имѣю ту же ,

Какую, великанъ, въ себѣ имѣешь ты ;

Я также плаваю, какъ ты, въ пространномъ морѣ ,

И ежели со мной ты хочешь стать въ семъ спорѣ ,

Пойдемъ, отвѣдаемъ своихъ мы тамо силъ ,

И какъ бы вѣтръ меня по Понту ни носилъ ,

То вѣрь, дружочикъ мой, что я не
ослабѣю ,

И предъ величествомъ твоимъ не оро-
бѣю.

Окончанъ разговоръ ,

Пошли окончить споръ ,

И вышли въ море ;

А на морѣ возсталъ буря вскорѣ .

Ужасной вѣтръ реветъ ,

И гладкой водѣ хребетъ

Перемѣнился въ горы ,

Пловцевъ покрылись мракомъ взоры

И парусы все буря рветъ.

Трещить корабль, и рвутся все ве-
ревки ,

Пришло не до издѣвки.

Но лодкѣ съ кораблемъ силъ равныхъ не дано;

И окончаніе ихъ было не одно :

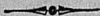
Корабль по бурѣ цѣль, а лодочка на дно.

—

Великая душа въ напастяхъ познается ,

Какая отъ небесъ не всякому дается.

В. Майковъ.

ЛИСИЦА и БОБРЪ.

—

Лисица нѣкогда къ Юпитеру ходила ,

И идучи оттоль, сошлася со бобромъ.

Куда, спросилъ лису бобръ, кумушка бродила ?

Ходила я туда, оттоль къ намъ мещуть
громъ ,

И множество съ собой я вѣсточекъ имѣю.

Лисица въ гордости рассказывала такъ :

То вѣдаетъ не всякъ ,

Что нынѣ я сошедъ съ Олимпа разумѣю ;

Теперь

Не всякой по земли скитаться будетъ звѣрь.

Тамъ вышло повелѣнье

И такъ угодно небесамъ ;

А то опредѣленье

Скрѣпилъ Юпитеръ самъ.

Волкъ съ зайцемъ будутъ въ полѣ ,

Баранъ, конь, быкъ и песъ

Останутся въ неволѣ ;

Медвѣдямъ, тиграмъ , львамъ дремучій отданъ

лѣсъ ,

Въ степяхъ отнынѣ жить слонамъ дано вели-

кимъ ,

Стремнины, горы, рвы козамъ , баранамъ ди-
кимъ ;

Болота отданы въ домъ вѣчно кабанамъ ,
Бобрамъ въ рѣкахъ со выдрами все-
литься ;

А прочіе во власть оставлены все намъ.

Но человѣку чѣмъ осталось веселиться ?

Лисицу бобръ спросилъ.

Сію Юпитеръ тварь всего того лишилъ ,

И не давъ нашего проворства ей, ни силъ,

Единое ему въ утѣху онъ оставилъ ,

Чтобъ больше нашего умомъ своимъ онъ пра-
вилъ.

И только кумъ

Для человѣка лишъ одинъ оставленъ умъ.

Какая для него оставлена бездѣлка !

Но бобръ лисѣ въ отвѣтъ :

Ахъ, кумушка мой свѣтъ ,

Худая будетъ намъ со человѣкомъ здѣлка,

И даръ сей кончится конечно не добромъ.

Не осердись, что я слова промолвлю грубы :

Онъ будетъ лисьи шубы
Опущивать бобромъ.

Читатели! и вы, мню, скажете здѣсь то же,
Что качество души тѣлесныхъ силъ дороже.

В. Майковъ.

ИГОЛКА и НИТКА.

Иголка нѣкогда сказала ниткѣ такъ:

Кто въ свѣтѣ не дуракъ,

Тотъ вѣдаетъ ужъ всякъ,

Что я твой повелитель

И предводитель.

Куда велю тебѣ, ты слѣдуешь за мной ,
 Дивится иногда и самъ тому портной ,
 Что такъ ты мнѣ послушна.

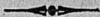
Когда бъ ты не была иглишка малодушна,
 Не поступала бы со мною грубо такъ ;
 Кто въ свѣтѣ не дуракъ ,

Тотъ вѣдаетъ ужъ всякъ ,
 Что ты сама въ себѣ движенья не имѣешь
 И безъ портнова рукъ тронуться не умѣешь;
 Внимай, а я тебя наставлю въ томъ уму :
 Послушны обѣ мы портному одному.

—

Сей басни та дорога,
 Что всяка власть отъ Бога.

В. Майковъ.

РОЗА и АНАНАСЬ.

—

Въ какой-то здорной часъ ,

Разспоровались со Розой Ананась :

Но Роза онаго была начало спору ,

А споръ ихъ былъ въ такую пору ,

Когда ужъ Роза всѣ раскинула листы ,

И возгордясь своимъ пригожествомъ красоты ,

Сказала: Ананась! возможешь ли и ты

Равняться съ моею красотою?

Какой цѣны я стою ,

Того не смыслишь ты ,

Всѣхъ зрѣніе къ себѣ я привлекаю

И ароматъ драгой на воздухъ испускаю .

Во мнѣ-то видить свѣтъ

Прекрасной самой цвѣтъ ;

А ты скуднѣшенько листки свои изводишь :

И столько на меня ты красотой походишь ,

Какъ свѣтъ на тьму .

Я красота всему

На свѣтъ .

На то ей Ананасъ сказалъ въ своемъ отвѣтъ :
Ты Роза хороша въ единомъ только лѣтѣ.

А мой

Пріятенъ вкусъ и лѣтомъ и зимой.

Читатель! баснь моя сіе тебѣ вѣщаетъ:

Краса хотя прельщаетъ,

Она прельщаетъ насъ

На малой только часъ.

Когда жъ краса мицется,

Тогда единой умъ при насъ лишь остается.

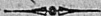
В. Майковъ.

ЛИСИЦА и КОШКА.

Скажи мнѣ душечка сестрица ,
Такъ Кошкѣ говоритъ коварная Лисица :
Понять я не могу , — ты кушаешь мышей
По прихоти своей :

Тебя и хвалятъ и ласкаютъ ;
 А я таскаю куръ, для нужды лишъ моей ,
 За то меня стараются убить ; —
 И ежели поймаютъ —
 Не думай я никакъ пощады получить.
 — Ужель ты, кумушка, не знала ,
 Что я, ловивъ мышей ,
 Тѣмъ пользу дѣлаю и для самихъ людей,
 А ты лишъ для себя — такъ Кошка отвѣчала.

Н. Невѣдомскій.

РОЗА и ТЮЛЬПАНЪ.

Весною Роза процвѣтала ,
 Колеблема едва, прохладнымъ вѣтеркомъ
 Головку возвышала
 Подъ тихимъ ручейкомъ ;

Краса его бреговъ ,
 Гордяся алыми листками ,
 Царицею росла, межъ прочими цвѣтками ;
 А тамъ вблизи, между кустовъ
 Тюльпанъ красивый разцвѣталъ,
 И къ ней головку приклонялъ —
 Но въ міръ горестномъ дни юности блаженной
 И щастье, словомъ все, чѣмъ хвалится сей свѣтъ,
 Безъ радостей любви для насъ несовершенный. —
 Когда подруги съ нами нѣтъ :
 Серебряныя воды ,
 Журчаніе весной средь злачныхъ береговъ
 Въ пріятный лѣтній день , видъ красныя при-
 роды ,
 И рощей, и долинъ смѣющихся луговъ ,
 Для сердца кажется не милы —
 Для одинокова и радости постылы! —
 А бѣдненькой Тюльпанъ сироточкой стоялъ
 Подъ быстрымъ ручейкомъ : и что любовь —
 не зналъ ! —
 Какъ безъ опоры жить? — ударить вѣтерокъ,
 Смутятся сини воды :

Кто будетъ защищать? —

Подымется гроза, настануть непогоды,

Повалять корешокъ

Кому его поднять? —

Нельзя, нельзя никакъ безъ милыхъ жизнь вести!

Тюльпану скучилось все одному цвѣсти.

Плѣняя Розы красотою,

Онъ такъ ей говорилъ: »какъ ты мила собою!

О естъли бы могла, обвившись стебелькомъ,

Рости со мной падъ симъ журчащимъ ручей-
комъ ;

Мы стали бѣ вмѣстѣ орошаться

Медвяною росой.»

— Ты смѣешь дерзкой забываться,

Такъ Роза гордая сказала въ отвѣтъ:—

Тебѣ ль рости со мной,

Цвѣтокъ презрѣнной :

Тебѣ ли тамъ стоять, гдѣ я краса вселенной!—

Смотри! меня здѣсь лучше нѣтъ

Но вѣтеръ сильной вдругъ повѣялъ,

И листья съ розы все разсѣялъ ;

Помчался вихрь, ударъ раздался громовой,

И та, которая гордилась красотой,

На землю хладную упала ,
 Забытая отъ свѣта въ безвѣстности увяла ! —
 Съ прискорбіемъ Тюльпанъ на бѣдную взгля-
 нуль ,
 Вздохнулъ
 И въ горести глубокой
 Цвѣсти сталъ одинокой ! —

Красавицы! вамъ здѣсь урокъ! — Ахъ! не гор-
 дитесь ,
 Какъ милой юпоша со вздохомъ и слезой
 Вамъ скажетъ искренно: люблю со всей душой.
 Красавицы! въ его объятія стремитесь

Н. Невьдомскій.

БОРЕЙ и ЗЕФИРЪ.

Тебѣ ль, тебѣ ль со мной равняться ,
 Борей Зефиру говорилъ , —
 Ты смѣешь дерзкой забываться,
 Иль слабость силъ своихъ забылъ ?

Скажи — что ты передо мною,
 Ничтожной, слабой вѣтерокъ?
 Едва бѣжишь ты за волною
 И клонишь легонькой цвѣтокъ;
 Но, я сопутствуемъ громами,
 Иду — съ губительной грозой
 Вселенной возмущать покой, —
 Несу повсюду разрушенье,
 Неизбѣжимый ураганъ —
 Взрываю къ тучамъ океанъ;
 Богатыхъ флотовъ потопленье
 Единый крылъ моихъ размахъ;
 Одно потребно лишь мгновенье,
 И цѣлой міръ пизвергну впрахъ! —
 Съ извѣстной кротостью своей
 Зефиръ Борею отвѣчалъ:
 »Согласенъ, въ свѣтъ кто не знаетъ
 Свирѣпой лютости твоей;
 Ты грозенъ бурями, громами,
 Я кротокъ, легкимъ вѣтеркомъ;
 Шумлю, играю надъ цвѣтами,
 Надъ тихимъ свѣтлымъ ручейкомъ.

Забава, жизнь, долинь луговъ,
 Рѣзвлюсь пастушки съ волосами,
 Покою земледѣльца въ зной,
 Отягощеннаго трудами;
 Старикъ согбенный надъ клюкой,
 Дорогой дальней изнуренный
 Моей прохладой освѣженный,
 Собравшись съ силой въ даль идетъ;
 Цвѣты, плоды, золотая нива,
 Село, столица прихотлива,
 Весь міръ меня къ себѣ зоветъ —
 Ты міру цѣлому ужасенъ;
 Скажи, кто счастливѣй изъ насъ?
 Быть *сильнымъ* хорошо: согласенъ;
 Но *добрымъ* быть, милѣй сто разъ! —

Н. Невѣдомскій.

МЕДВѢДЬ и ОБЕЗЬЯНА.

Мартышка и Медвѣдь дорогой шедъ одною,
 Узрѣли дубъ передъ собою:

— Смотри, какъ я войду на самой верхъ его,
 Мартышка говорить : я думаю, съ него
 Увижу цѣлой свѣтъ. — Взошла на дубъ и съла,

Съ веселиемъ вокругъ смотрѣла :

Любезный куманекъ ! какой прелестный видъ !

Медвѣдю говорить :

О естли бѣ видѣлъ ты зеленая дуброва, —

Цвѣточки пестрые и мурава шелкова,

И мирный ручеекъ, блистающій въ берегахъ,

А тамъ рѣка, долины,

Деревни, и стада бродящи на лугахъ;

Вдали высокихъ горъ черпѣются вершины —

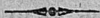
Ужъ есть что посмотреть !

Взойди и ты сюда ! —

— Взошелъ бы я, да вотъ бѣда :

Боюсь, чтобы подъ часъ мнѣ съ верху не слетѣть ! —

Н. Невѣдомскій.

БАБОЧКИ.

Къ зазженной свѣчкѣ подлетали

Однажды бабочки. — »Какъ дурень этотъ свѣтъ!

(А что онъ нуженъ всѣмъ, онъ не полагали)

Въ немъ пользы нѣтъ!

Вскричали бабочки тѣ дружно:

Совсѣмъ не нужно,

Чтобъ свѣчку здѣсь съ огнемъ имѣть;

Намъ больно на огонь глядѣть;

Гдѣ и бываетъ,

Летать мѣшаетъ;

Мы можемъ этому навѣрно пособить! « —

Тутъ крыльями свѣчу вдругъ бросились гасить.

Но слабые онъ, огонь же силенъ, сжестся,

Не только крылушки, да сжегъ ихъ и самихъ. —

Не объ однихъ скажу я бабочкахъ такихъ:

Погибнуть всякому придется,

За безразсудное колъ дѣло кто берется.

Г. Ржевскій.

КОТИКЪ ЧТЕЦЪ И СОЧИНИТЕЛЬ.

У льва былъ котикъ чтецъ,
 Такой ученый молодецъ,
 Что онъ съ педантскаго все тона,
 Владѣтелю звѣрина трона
 Тѣ сочиненія не уставалъ ругать,
 Гдѣ не на мѣстѣ *есть* иль *лтъ*,
 И гдѣ пропущена одна хоть запятая;
 При томъ я утверждая,
 Что таковыхъ стиховъ не слѣдуетъ читать.
 Ты вѣрно геній чтецъ! сказалъ ему владыко
 Самъ сочинять поди,
 Пусть сочиненіе хоть будетъ не велико,
 Меня ты котикъ улади.
 Пошелъ, — принесъ, прочелъ стиховъ своихъ
 громаду. —
 »Нѣтъ толку въ нихъ, ни ладу;
 Сказалъ во гнѣвѣ Царь: ну какъ тебѣ не
 грѣхъ?
 Твои стихи-то хуже всѣхъ!« —

»Помилуй левъ! за что напраслины такія?
 На мѣстѣ *ятъ* и *есть*, и *топки*, *запята*.« —

Тутъ левъ изволилъ заревѣть

И повелѣть, —

Стихи писать ему дать полную свободу,
 Но только не казавъ, чтобъ онъ бросалъ ихъ
 въ воду.

Сужденіе царя повсюду разнеслось;

И съ этого же года

У всѣхъ звѣрей впелось,

Въ твореньяхъ различать — что навикъ, что
 природа.

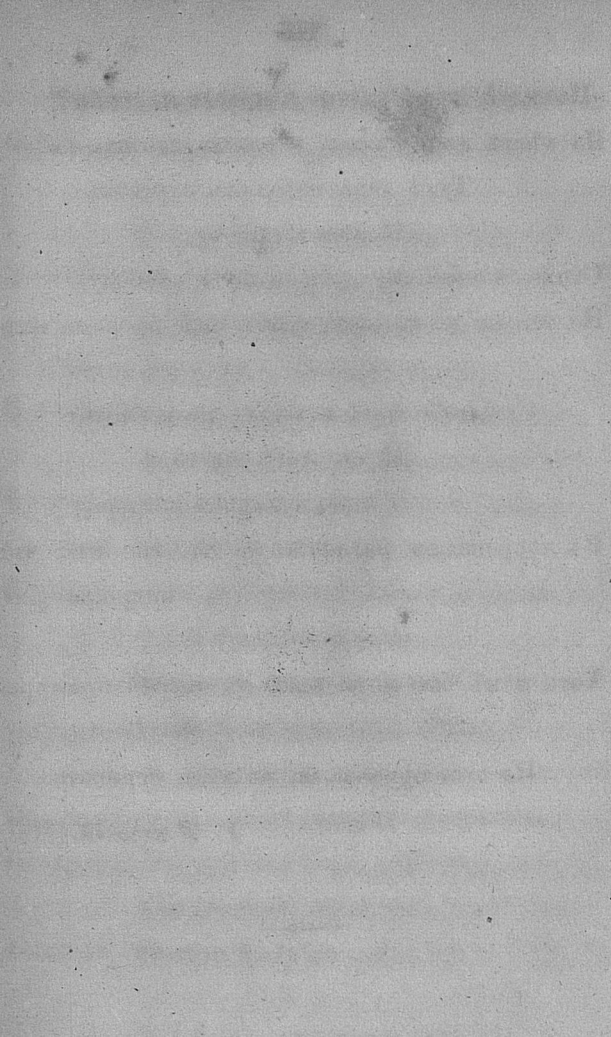
—

Хоть намъ бы и не шло съ звѣрей примѣры
 брать,

Но это, признаюсь, не худо перенять.

Г. Ржевскій.

Л И С Т О К Ъ.

Листокъ на вѣткѣ развернулся,

И такъ прекрасенъ былъ,

Что всякъ его любилъ ;

И самъ онъ своему явленью улыбнулся,

И благомъ то считалъ.

Прохожіе всегда предъ нимъ останавливались,

Смотрѣли, любовались.

Когда жъ подъ деревомъ ложась кто отдыхалъ,

Листокъ и болѣе гордился,

И возносился.

И до того дошелъ,

Что даже смѣлъ

Однажды дереву безъ совѣсти признаться :

Не правда ли, ты мной лишь стало украшаться?

Кто прежде зналъ тебя?

Стояло какъ въ пустынѣ,

А я

Лишь появился въ свѣтъ — и нынѣ

Ужъ всѣ къ тебѣ бѣгутъ,

И украшеніемъ страны окрестной чтутъ.

Страшисъ меня лишиться;

И всячески меня какъ глаза, береги —

И стереги ,

Чтобъ ни малѣйше зло мнѣ не могло случиться!

Чтобы ни пыль, ни градъ не пали на меня —

Или сгубишь себя :

Ну, чѣмъ ты будешь украшаться?

Теперь же ! Червякъ того какъ будто
ждалъ,

Вдругъ на Листокъ попалъ,

И началъ изгибаться —

То скребъ, то грызъ, царапалъ, рвалъ ,

И дырку сработалъ ;

Листочикъ сжался, опустился ,

Валился ;

И блескъ терялъ и стройный видъ —

А наконецъ, увы! и съ жизнію простился —

Но древо и теперь стоитъ.

А. Соболевъ.

СВѢЧА ВЪ ПОДСВѢЧНИКѢ И ФОНАРѢ.

Свѣча въ подсвѣчникѣ горѣвши, золотомъ
Своимъ блистаньемъ любовалась;

И видя, что ея подруга заключалась
Въ Фонарикѣ, и то простомъ,
Надъ ней хотѣла посмѣяться,
Поважничать, поведичаться;

И тотчасъ начала:

Ахъ милая, какъ ты жалка!

Какъ можно такъ въ стѣнахъ запершися дер-
жаться

И воздуха лишаться?

Нѣтъ, признаюсь, жизнь моя —

Что я

Тѣмъ только и питаюсь,

Что я свободой наслаждаюсь —

И видишь ли, мой блескъ въ сіяньи лѣпоты;

А ты?

Она еще бы продолжала —

Но вѣтръ , какъ бы на зло! чрезъ скважину
попалъ;

Дохнулъ — и блескъ свѣчи пропалъ.

А та, за то въ стѣнахъ — отъ вѣтра устояла.

А. Соболевъ.

ЕЖЪ и УЖЪ.

Зимой въ большой морозъ,

Ежъ чуть чуть ползъ,

Тащился ,

И больше мертвъ, чѣмъ живъ онъ былъ.

Однако кое - какъ добился

До мѣста, гдѣ въ глуши ужъ тихо жилъ.

Ежъ въ поясъ поклонился ;

И говорилъ :

Ахъ, Ужъ, молю тебя, судьбой моей тронися ;

Будь жалостливъ и умилися ;

Пусти меня къ себѣ, хоть только отогрѣй ;

Ты видишь, умираю ;

Не будь жестооче ты судьбы моей.

Кольна я твои цѣлую, обнимаю. —

Ужъ не былъ лихъ ;

Ежа впустилъ и угощаетъ.

Но только Ежъ отдохъ, щетину распускаетъ,

И остротою иглъ своихъ

Хозяина то тамъ, то здѣсь онъ задѣваетъ,

И колетъ и терзаетъ.

Ужъ бѣдный морщится, въ кольцо себя сви-
ваетъ ;

Но Ежъ всегда лзвить,

Тѣснить.

Ужъ потерялъ терпѣнье ;

Кричить :

Такъ платишь мнѣ за угощенье ?

Ахъ ! несчастливый я !

Зачѣмъ я принималъ тебя ?

Съ тобою не ужиться.

Поди, поди назадъ !

И дай покоемъ мнѣ и счастьемъ насладиться.

— Нѣтъ, братъ!

Ежъ гордо отвѣчаетъ :

Прекрасенъ твой совѣтъ — да трудно лишъ
принять.

Къ чему жилища мнѣ искать?

Когда твое тебѣ надоѣдаетъ —

Другое отыщи; обѣгай свѣтъ хоть весь ;

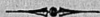
А мнѣ тепло и здѣсь !

И бѣднаго Ужа съ симъ словомъ вытѣсняетъ.

—

Неблагодарный такъ услуги понимаетъ !

А Соболевъ.

РАСКРАШЕННЫЙ ОСЕЛЬ.

Пришелъ же часъ такой, что даже и Осель

Поумничать вдругъ захотѣлъ ,

На хитрости пуститься.

Онъ долго шелъ;

Напала лѣнь, пришло Ослу остановиться.

Онъ уши приподнялъ —

И тутъ ему на глазъ попалъ

Прекрасный чанъ, гдѣ краски разводили.

Красильщики въ отлучкѣ были,

А краска такъ была красна ,

Что хоть и не Осла вскружить могла она.

Чего же думать тутъ? Осель мой размахнулся —

И весь въ чану онъ окунулся.

Оттуда съ важностью глядѣлъ ;

И не насмотрится Осель !

Но вышелъ наконецъ — прегордо выступаетъ,

Дороги даже Льву не думаетъ давать ,

На прочихъ и смотрѣть за стыдъ считаетъ!

Лишь знаетъ,

Впередъ себѣ скакать,

И чванится и о себѣ мечтать.

Но тутъ, какъ бы на смѣхъ, лиса явилась.

(А лисій родъ Ословъ ужасно не любилъ!)

Лишь взвидѣла Осла, тотчасъ бѣжать пустилась,

Крича что было силъ:

Дорогу! шире! разступитесь!

Не приближайтесь, удалитесь!

**Онъ выпачкаетъ васъ — и тутъ Осель узналъ,
За что и Левъ ему дорогу уступалъ.**

А Соболевъ.

К о н е ц ъ

ОГЛАВЛЕНІЕ БАСЕНЪ.

Крылова:

Стран.

Василекъ	9
Собачья дружба	11
Бочка	14
Ручей	16

Дмитріева:

Пѣтухъ, Коть и Мышенекъ.	18
Слѣпецъ и Разслабленный	21
Нищій и Собака.	23
Разбитая скрипка	24
Плодь	—
Репейникъ и Фіалка.	—

Измайлова:

Медвѣдь и два охотника	25
Совѣтъ мышей	26
Волкъ и Журавль.	29
Обманъ за обманъ.	30

Хемницера:

Строитель.	32
Крестьянинъ съ ношею	33
Богачъ и Бѣднякъ.	35
Дворовая собака	37
Стрекоза	40

Хераскова:

Дровосѣкъ	41
Бабочка и Пчела	43
Источникъ и Ручей	45

Ломоносова:

Старикъ, Сынъ его и Осель	46
Волкъ въ пастушескомъ платьѣ	47

Сумарокова:

Волкъ и Ягненокъ	49
Лисица и Журавль	51
Одноколка	53
Отрекшаяся міра мышъ	55

Мацнева:

Древесные листы	56
Простой цвѣтокъ и драгоцѣнная ваза	58
Земледѣлецъ и его дѣти	60

Хвостова:

Совѣтъ мышей	61
Медвѣдь и Огородникъ	63
Волкъ и Журавль лекаръ	66
Молошница и кувшинъ съ молокомъ	67

Агаѳи:

Журавль	70
Быкъ и Лягушка	72

Лобысевика:

Ершъ и Шука	74
Волкъ и Лиса	76
Любитель музыки	80

Алтанова:

Дубъ.	82
Волкъ и Лисица	85

Ладыжинскаго:

Заяцъ и Лисица	87
Любопытный путешественникъ	89
Курица и Яйцо	90
Собаки: болтливая и скромная	91
Скворецъ	92

Майкова:

Дѣтина и Конь	94
Голова и Ноги.	95
Сова	97
Корабль и Лодка	98
Лисица и Бобръ	100
Иголка и Нитка	103
Роза и Ананасъ	105

Невѣдомскаго:

Лисица и Кошка	106
Роза и Тюльпанъ	107
Борей и Зефиръ	110
Медвѣдь и Обезьяна	112

Ржевскаго:

Бабочки	114
Котикъ чтець и сочиитель	115

Соболева:

Листокъ	117
Свѣча въ подсвѣчникъ и фонарь	119
Ежъ и Ужъ	120
Раскрашенный Осель	122

ОШК М 2728

our n 2728 - 2729

7

